

Оксана Дарина

СЛЕПЫЕ ОТРАЖЕНИЯ

Слепое
безумие
беспощадно

МИСТИЧЕСКИЙ ТРИЛЛЕР

Оксана Одрина
Слепые отражения

«Автор»

2020

Одрина О.

Слепые отражения / О. Одрина — «Автор», 2020

ISBN 978-5-532-96545-4

Слепое безумие беспощадно. Вадим не знал об этом, когда после трагической гибели отца изо всех сил пытался вернуться в привычный мир. Чтобы отвлечься от тяжёлых мыслей, он часто помогал в поисках пропавших людей, используя подсказки из отражений. Вадим мог проникать сознанием по ту сторону зеркальной толщи и узнавать всё, что ему нужно. Только вот цена за такой дар была высока – частица его собственной жизни при каждой беседе с бездушной стекляшкой. Ведь тот, кто говорит с отражениями, говорит со смертью. И однажды эта способность сыграла роковую роль. Вадим оказался втянут в тайны спецслужб — он участвует в расследовании дела жестокого маньяка, а в результате и сам оказывается в зеркальной ловушке. Теперь выбраться юному сыщику будет еще сложнее, ведь на кон поставлено уже несколько судеб.

ISBN 978-5-532-96545-4

© Одрина О., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Глава 1. Ты выжил	5
Глава 2. Впусти	14
Глава 3. Кто-то собирает осколки	21
Глава 4. Верните меня назад	28
Глава 5. Невидимая связь	33
Глава 6. Зачем бьют зеркала	39
Глава 7. Ты ошибся	45
Глава 8. Сыщик	51
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Оксана Одрина

Слепые отражения

Глава 1. Ты выжил

Отчаянный вопль тормозов сменился глухим ударом, когда неуправляемый грузовик сбил Вадима на пешеходном переходе на перекрестке в центре города. Три румяных яблока на белоснежном капоте и размытый силуэт человека за рулем – последнее, что видел он, перед тем как отмеренное ему время прекратило ход.

Но Вадим не испугался и не почувствовал боли. Ведь он не умер, нет. Вопреки всему он снова проснулся далеко за полночь от собственного крика.

В комнате было темно, тихо и пусто – никаких звуков и отблесков даже с улицы. И уж тем более никаких яблок... Однако Вадима не раз трясло от одной мысли именно о них, а уж после сегодняшнего пугающего сна с их участием – колотило знатно. Потому поднявшись и уперевшись спиной в щиток кровати, притянув ноги к груди и уткнувшись лбом в колени, он еще долго сидел в одиночестве и как мог успокаивался после очередного кошмара. Свет не включал, но при этом прислушивался, не спешит ли на помощь мама, потревоженная непонятным шумом в его комнате. Когда же полчаса спустя колотить перестало, а мама так и не появилась, он с облегчением выдохнул и сполз обратно на подушку.

Только сон больше не вернулся, а яблоки не ушли... Яблоки преследовали Вадима в видениях вот уже почти три года. И время не лечило его, нет. Время каждое утро менялось и, обновляясь, превращалось в новую дату. А он в кого после таких снов?..

Яблоки в жизнь Вадима пришли, когда ему не исполнилось и семнадцати, и принесли с собой беду. Если б он только знал тогда, чем закончится его очередной приезд к родителям в загородный дом – приезд из школы, где он учился и жил всю неделю, то беды, возможно, удалось бы избежать, и многое могло сложиться иначе. Только он не знал, и «многое» так и не сложилось...

Его отец – Андрей Андреевич Верес был известным в городе полицейским, дослужившимся к тридцати восьми годам до весьма важного звания. Человеком он был высоких амбиций, гордым, заносчивым, неприступным и невероятно упрямым. Если его мнение о тебе уже сложилось, и мнение это нелестное, доказать ему обратное было невозможно. Как и оправдываться было бессмысленно, когда он публично обвинял.

Яркая и стильная внешне мама Вадима в присутствии отца становилась словно тенью: робкая во взглядах, деликатная в словах и осторожная в мыслях. Вся ее забота была исключительно о Вересе-старшем, о нем одном разговоры и беспокойство. Служба тяжелая у него, ответственность, жизнь под прицелом – понимать нужно, а Вадим не понимал. Все потому, что сыну доставались лишь крохи и внимания, и ласковых слов, и волнений мамы. А он ведь ревновал, завидовал, злился – неужели никто не замечал?.. Отец точно нет. Ведь от отца ему перепадали преимущественно недовольства и настолько жесткое воспитание, что иногда и домой приезжать не хотелось. Да, пока Вадим был маленьким – не воспринимал происходящее всерьез, а когда повзрослел – наперекор пошел. Он не желал становиться таким же, как родители, стремился все сам за себя решать и не мог, пока не исполнится восемнадцать. А это еще целый год...

Отец, естественно, хотел, чтобы сын последовал его примеру. И потому отправил Вадима в школу с правовым уклоном, где царил дисциплина, подчинение и обязательность. Неблагодарный мальчишка же противился, все чаще огрызался в разговорах, упирался лбом в любые предложения родителей и протестовал, когда те снова и снова заводили разговор о его будущей профессии и карьерном росте в полиции. А в одной из ссор Вадим так и вообще пригрозил бросить школу, если от него не отстанут, и сбежать из дома, разрушив идеальную репутацию Вереса-старшего и всей его семьи. За что отец сразу присвоил ему первое звание – малолетнего мятежника.

Возмущалась ли мама, когда вспыхивали такие перепалки? Конечно, да, но при этом вступалась исключительно за мужа. Правда и сына просила понять – переходный возраст как-никак. А что отец? Отец лишь хмурился, и когда обстановка между ними накалялась слишком сильно, чуть отступал и отставал от Вадима. Но всего до следующего его возвращения из школы. И все сначала...

И почему только его Андреем не назвали, Вадим не понимал. Тогда бы уж точно по стопам – под копирку, так сказать, – по праву наследования от Андрея старшего младшему, и дальше через поколения. И никаких мятежников!

И все же обстоятельства сложились так, что Вадиму все-таки пришлось отступить и сохранить невозмутимость при очередных отцовских нравоучениях. Не сдать, нет. Ведь он, само собой, не стал паинькой в одночасье и тем более не изменил своих взглядов и убеждений – он просто пообещал маме не устраивать склок. А все потому, что она очень уж трогательно просила его помириться с папой, убеждая, что разрывается между ними и выбрать одного никогда не сможет. При этом она уговаривала, чтобы Вадим согласился с отцом и терпеливо выслушал его мнение, – хотя бы для вида, – чтобы тот успокоился и не давил больше выбором будущего ни на маму, ни на сына.

Мнение... А Вадима мнение как же?..

На ловушку больше походило, на сговор, на хитрый родительский ход – мол, после откажешься. А что есть это самое «после»? Когда «после» и как? Сможет ли он после отказаться?

Ему снова хотелось спорить, но мама уверяла, что непременно сможет отговорить отца от идеи отправить сына поступать в университет МВД. Но не сразу: постепенно, осторожно и тихо переубедит. Переубедит так, как только преданные тени таких мужей умеют – как-никак она с этим мастерски справлялась уже второе десятилетие – в нужное время и в нужном месте. До окончания одиннадцатого класса рассчитывала уложиться. А это еще целый год... Та еще задачка для Вадима. Однако решение он нашел – пообещал просто молчать.

И молчал, с нескрываемой неприязнью рассматривая зеркала в отцовском кабинете, пока Верес-старший снова рассказывал о полиции, о службе, о том, как трудно, но при этом невероятно важно и почетно все то, чем он занимался. Не для Вадима только важно...

Вадиму важнее было скорее завершить очередной скучный разговор. И потому он все чаще увиливал от ответов и отмалчивался, лишь бы вырваться из кабинета и не слышать ни о званиях, ни о наградах. Он в тишину хотел, где надоедливый папин голос больше не преподносил бы ему собственную правду жизни. Ну может, хватит уже! Ему семнадцати даже нет.

Какая там специальность, профессия, работа и тем более звания – не думал пока об этом. Он десятый заканчивает, успеет с выбором – сам, без отца.

Обратно в школу Вадим уезжал с нескрываемой радостью, наслаждаясь грядущей свободой от родительского надзора. Ему уже виделась уютная комната в жилом корпусе родного учебного заведения – личное пространство – только его, где чисто и светло, без единой пылинки компьютерный стол, аккуратные стопки тетрадей и учебников, и никаких...

...В руки Вадиму впахнули плоское стекло, завернутое в черную ткань.

– Что это? – пробурчал он, откинувшись на кожаную спинку сиденья в их семейном статусном авто.

– Подарок директору школы – Павлу Петровичу Фрею, – самодовольно протянул отец, усаживаясь удобнее за руль машины. – Зеркало.

– Мне оно зачем? – непонимающе уставился на отца Вадим.

– Просто подержать, можешь? – развел руками он и, прищурившись, осуждающе покачал головой, когда заметил запачканные брызгами кроссовки сына. – Не сложно, Вадим?

– Не сложно, папа, – процедил Вадим, и бровью не поведя в направлении своей чумазой обуви. Потом пристегнулся ремнем безопасности, для порядка подергав его в стороны. – Подержу.

– Вот и хорошо, – отрезал Верес-старший, тут же дав по газам.

Такой странный подарок не стал для Вадима сюрпризом, ведь его отец фанатично коллекционировал именно зеркала. Он так часто и много развешивал их на стенах собственного кабинета, что иногда казалось, будто умом тронулся. Уже и места свободного не оставалось, а он приносил еще и еще. При всем том стекляшки эти были разные. Большинство из них сохранились светлыми и чистыми, приятно поблескивающими от любого освещения и четко отражающими. Однако встречались и старомодные экземпляры: облезлые, ободранные, почерневшие или совсем без рам с обгрызенными краями, словно их пытались съесть, откусывая по кусочку, но не получилось, и их оставили обглоданными. А отец пожалел и домой принес, отогрел, на стену повесил, смахивал с них пыль, говорил с ними. Зачем?..

– Почему оно в черном? – нарушил тишину Вадим после недолгого молчания.

Трасса в майских промозглых сумерках. За окном косой дождь. Зеркало в руках. Подкатила необъяснимая тоска, загудев в груди беспокойством, и Вадим поехал.

– Так нужно, – не отрываясь от дороги, бросил отец.

– Исчерпывающий ответ, – хмыкнул Вадим, задрав голову и уткнувшись взглядом в потолок. – Не знаю, зачем спросил.

– После узнаешь, Вадим, – заявил отец, одной фразой подведя черту под всеми другими возможными вопросами сына.

– После чего? – не отставал Вадим и, удобнее перехватив зеркало, прислонил его к себе.
– После – это когда именно и как его измерить и понять? После – есть нечто или ничего, как таковое? Как определить, что после уже настало? И самое главное, пап, где «до»?

– Время придет, и сам во всем разберешься, сын, – круто повернув направо и мгновенно влетев на путепровод, уточнил отец.

– Когда оно придет, пап, время это? – насмешливо протянул Вадим, покосившись на отца. – Оно уже вышло? В пути или еще нет? Не сбилось ли? Может, выйти и встретить его и...

– Хватит! – оборвал отец и так опасно обогнал на впечатляющей скорости бензовоз, что Вадиму не по себе стало.

Строго. Грубо. Не смешно.

Хватит, так хватит. Зеркала-то важнее сына будут, бесспорно...

И вот ведь что самое странное: многие из них в кабинете Вереса-старшего вообще ничего не отражали. Находки эти вызывали у Вадима робость и отвращение. Ему все время казалось, что неспроста они не отражали. Возможно, знали некую страшную тайну, но скрывали ее в глубине слепоты. Глупо, наверное, и смешно, но Вадим сторонился подобных экспонатов и не заглядывал в них. Не боялся, нет, – скорее остерегался.

Такие же противоречивые чувства вызывал и громоздкий сувенир, который неприятно давил углами в ладони Вадима. Конечно, черный бархат на вещице вселял неясную тревогу, но при этом и любопытство не уступало. Потому он чуть оттянул ткань на подарке, который держал в руках, и увидел незрячее зеркало. Брезгливо скривившись, он двумя пальцами прикрыл стекляшку, как и было.

– Фу, гадость, какая, – кисло протянул он, сморщив нос. – Не люблю их.

– Не гадость – презент. Оно не для тебя, Вадим – для Фрея. Тебе рано такое, – отмахнулся отец. И тут же, улыбнувшись, бережно похлопал по поверхности стекла ладонью. – Редчайший экземпляр. Полгода за ним гонялся.

Ну и кто он после подобных выходов, если не сумасшедший?.. С зеркалами вон как ласково, с родным человеком – черство. Вадим тяжело вздохнул.

– Догнал? – шутливо поинтересовался он, стараясь больше не выводить отца из себя.

– Догнал, перегнал, поймал и себе забрал, – точно попал в несерьезный настрой сына отец. – Не нравится – не смотри.

Вадим не смотрел. Он не понимал одного, почему вершиной собственной зеркальной коллекции папа назначил три странных осколка, которые были целиком завернуты в черную ткань, и занимали в его кабинете особое место. На рабочем столе между монитором компьютера и принтером стояла стеклянная рука на подставке и держала эти осколки. Они проходили навывлет сквозь прозрачную ладонь и маячили у самой столешницы траурными пиками. Тро-

гать их запрещалось, чему Вадим был несказанно рад. И хотя ответа на вопрос, почему их упаковали в черное и зачем воткнули сквозь руку, он так и не получил, для него эта неоднозначная композиция из поломанных зеркал в скорбных нарядах, вынужденных быть слепыми не по своей воле, была сходством с самим собой. Его вот так же отец жаждал направить в безвольное будущее. Завернуть в проверенную обертку, как и сам, и воткнуть удобнее и глубже, где и сам – на службу в органы. Чтоб наверняка не выбраться мальчишке из-под папкиного влияния.

Только Вадим бунтовал – он ведь не статичное зеркало. Его в бесцветное завтра так просто не упакуешь, в руках не удержишь. Он личность, пусть пока еще и не окрепшая, но упрямая и стойкая. И потому, как мог, он сопротивлялся и отказывался писать жизнь по клише родителей.

Сегодня Вадим чуть отпустил себя и рассмеялся:

– Представляю лицо Павла Петровича, когда ты ему вот этот нелепый презент вручишь.

Отец-начальник, кажется, поддался на легкомысленность сына и ненадолго отступил ситуацию, позволив себе чуть улыбнуться и даже подмигнуть:

– Фрей будет доволен.

– Или исключит меня из школы тут же, – по-прежнему подтрунивал Вадим. – И выгонит нас обоих.

– Не исключит, – отрезал отец. А потом выразительно прищурился и заявил: – Работаем на опережение, Вадим Андреевич. Используем стратегию «Хитрый ход». То есть адаптированный под повседневность вариант этой самой стратегии.

– И что же это за стратегия такая, когда не адоптированная? – простонал Вадим и мгновенно пожалел о своем любопытстве, предчувствуя скучные подробности.

– «Хитрый ход» – спецоперация по поимке преступника на живца, – подался в разъяснения отец.

Секунда, и он демонстративно вывернул к сыну запястье правой руки, на котором на серебряной цепочке висела флешка. На таких носителях Верес-старший хранил важную для себя и работы информацию, закреплял выводы, отработывал ошибки, отмечал победы. Черную флешку прикрывал сверху металлический жетон в тон цепочки. Вместе они синхронно болтались на руке отца и иногда напоминали о себе звяканьем. На жетоне было отчеканено: «Андрей Верес». Ну, без этого вообще никуда! Как это – Андрей Викторович Верес о себе не напомнит, кто он есть. Тут любому из его круга без объяснений было понятно, с кем имеет дело. Он же просто мастерски умел себя презентовать – без воды, так сказать. Знал, что, когда и кому именно предъявлять. Эгоцентрик, одним словом. А Вадима самолюбие отца раздражало.

– Это, когда вы, спецы, подставляете ничего не подозревающего бедолагу, чтобы поймать преступника, – съязвил Вадим. – И поймаете, естественно. И будете поощрены. Только цена вашего триумфа – жизнь подставленного.

– Это, когда мы, спецы, с помощью грамотно разработанной, продуманной и утвержденной спецоперации спасаем жизнь тому бедолаге, который сам соглашается подставиться, – разъяснил отец, расширяя знания сына о собственной необходимости на службе. – Мы прикрываем и отбиваем, если требуется. И поймаем, ты прав. Это многолетний опыт, навыки, умение, сын. Это «Хитрый ход».

– Хитрый здесь ты, папа, – уколол Вадим, не принимая порядки властного родителя.

– Все сказал?! – неожиданно резко бросил отец, смерив сына невероятно холодным взглядом. Сам же за него и ответил: – Все. Разговор окончен!

Громкие слова непокорного мальчишки тут же свою весомость растеряли, а тонкое общение отца с сыном снова не выдержало давления обоих и оборвалось. Ложная мягкость предка отступила, а значит, могло и польхнуть. И Вадим вполне нашел бы, чем обжечь отца в ответ на привычные претензии... но не обжог. Ведь он вот только пообещал маме не ссориться с ним. Поэтому просто отвернулся и уставился в окно, надеясь, что на этом их диалог на сегодня закончился, и дальше они обоюдно помолчат.

Очень зря. Ведь если время для их диалога и в самом деле истекло, то для монолога Вереса-старшего – настало. Молчать он, конечно, не собирался – загорелось в нем обычное нудное планирование будущего для преемника. И он завел знакомую песню об образовании. Сначала – Вадим учится в одиннадцатом классе. Через пять минут – экзамены и выпускной. Еще немного – поступает в университет. Первый курс, потом второй...

И вот как теперь Вадиму не приуныть? Мало того, что всю дорогу не прекращаясь шел дождь и к стеклу с улицы прилипали невероятно тоскливые капли, так еще и глава семьи Верес не успокаивался: уже дошли до званий, которые сын непременно получит, если больше, чем чуть-чуть, постарается и напряжется.

Ну а потом мимо проскочила грузовая фура с надписью «Спелые решения» и крупными тремя красными яблоками на забрызганном грязью боку, следом еще одна – копия первой, и Вадим оживился и улыбнулся: а вот это уже любопытно. Ну разве может рефрижератор везти яблоки? Как вариант, мороженные – тогда да.

За спиной плелся третий грузовик. Вадим наблюдал за ним в зеркало заднего вида. Вот только не очень-то и спешил третий «Спелый» со своими насквозь промерзшими фруктами за коллегами. Интересно, почему?..

– Смешно тебе, Вадим? – хмыкнул отец, заметив перемены в настроении сына. – Со мной не поделюсь? Вместе посмеемся.

– Пап, а что такое «Спелые решения»? – протянул Вадим, протирая ладонью запотевшее стекло пассажирской двери.

И тут грузовик с прицепом, который ехал вслед за ними, стало заносить и разворачивать поперек трассы. Вадим не сразу понял, что это не умелый маневр водителя с яблоками, а потеря управления. Завертело «Спелого», что еще минуту назад безмолвно тащился позади – теперь он настойчиво сигнализировал.

Запоздало Вадим понял, что наблюдает происходящее не в боковое зеркало, а в слепую стекляшку в руках, с которой сползла черная ткань, и оно отражало настолько яркую и четкую картинку, что холодок меж лопаток пробежал: разве такое возможно?..

Предупредить отца об опасности Вадим не успел: впереди резко застопорилась вторая яблочная фура, со скрежетом снеся легковушку перед собой, и Верес-старший ударил по тормозам. Резанул ухо мерзкий лязг. Машину дернуло. Ремень безопасности откинул Вадима назад и прилепил к сиденью.

Успел папа вовремя остановиться или нет, разобраться получилось не сразу. Когда же оба отошли от первого шока и поняли, что все же успел, переглянулись и с облегчением выдохнули. А зря. Ведь неуправляемый грузовик по-прежнему был позади них.

– Папа, он за нами! – закричал Вадим, первым глянув в зеркало заднего вида и сообразив, к чему идет дело. – Он...

В ту же секунду оглушающий грохот оборвал его голос, стихийный бросок вперед вышиб воздух, скрип разорвал ушные перепонки, удар в голову отключил сознание. И взамен обещанному пару минут назад безоблачному будущему с генеральскими пагонами пришли яблоки...

Яблоки... Яблоки... Почему яблоки?..

Холодный дождь захлестывал в салон и бил по щекам. Стекло крошево, бывшее недавно лобовым стеклом, развалилось на бардачке, прилипло к одежде и мерзко копошилось на лице. Ремень безопасности вдавливал пришедшего в себя Вадима в сиденье так сильно, что теперь душил и ломал грудь. Не в силах повернуть голову, он наощупь искал кнопку, чтобы отстегнуться, а пальцы не слушались и соскальзывали. Другой рукой он как мог прижимал к себе слепое зеркало – ведь отец просил подержать, и Вадим подержит, сколько сможет...

При этом он совсем не чувствовал ног, словно их и не было. Не понимал, что с ним, почему дышать так тяжело, что мешает выбраться на улицу. Что со зрением: с каждой уходящей секундой он видел все хуже и хуже, будто краски вокруг медленно выкачивали в неизвестность, а взамен внутрь автомобиля, где они с отцом сидели, вливали непроглядную черноту, глубже и глубже вдавливая Вадима в удушье. И где папа...

– Папа... – прохрипел он, уже почти не управляя собой.

Но никто не ответил. Зато прямо перед собой он вдруг так четко увидел заляпанные грязью красные яблоки, что вмиг вспомнил все случившееся и дернул головой к отцу, но лишился чувств.

Когда же Вадим вновь очнулся, то не сразу сориентировался в происходящем: все как в тумане было, во сне, не с ним, а с другим человеком. Он лежал в машине скорой помощи. Пусть и слегка размыто, но видел, а вот пошевелиться не мог совсем. Еще боль в ногах была такой нестерпимой, что он, не переставая, неконтролируемо стонал. Врачи непонятно что говорили ему, спрашивали о чем-то, спорили между собой, куда-то везли. Трясло сильно.

Потом была темнота, из которой так неожиданно проявился белый потолок и бегущие по кругу слепящие лампы, что Вадим крепко зажмурился, пытаясь справиться и с неприятной

резью в глазах, и с не менее неприятной подкатившей дурнотой. С дурнотой-то он справился и весьма успешно, как и с резью, чего не скажешь о приступе лихорадочного бреда, в котором он долго и отчаянно метался из стороны в сторону, теряя те немногие силы, что еще у него оставались.

– Папа... где же папа?.. – твердил он в горячке. – Вместе же были...

Никто не откликнулся, а сам он то и дело терялся в странных сумерках – ему мерещились осколки зеркал на стенах незнакомого разоренного подвала. Осколки эти пусть и были невероятно чумазыми, в уродливых трещинах и сколах и совсем ничего не отражали, но казались совершенно безобидными и даже немощными какими-то.

Однако стоило Вадиму только попытаться покинуть зеркальный склеп, как незрячие осколки словно ожили, со звоном повалились на пол и секунду спустя сгрудились у двери, настолько угрожающе оцетинясь вверх каждый личным заточенным острием, что Вадим, измотанный и слепотой, и враждебностью стекол, вскипел:

– Чего вы все от меня хотите?! Я не понимаю! Давайте, покажите мне уже хоть что-то! Или выпустите! Слышите, отпустите меня!

Именно тогда Вадима и в самом деле отпустили. То есть он так подумал, когда, услышав собственный сиплый крик, пришел в себя.

Оказалось, что он лежал на невероятно жестком матрасе, провалившись затылком в неудобную подушку. Был укутан в одеяло, но почему-то под ним изрядно продрог. Грудь ему зачем-то сдавили до того туго, что дышалось неестественно тяжело. Еще раскальвалась голова и не переставая ныло левое плечо, подергивая судорогами лопатку. А пальцы рук настолько сильно сжались в кулаки и заиндевели, что не разгибались.

Догадаться, что находится в двухместной больничной палате, Вадиму было не сложно. Сложнее было поверить в то, что рядом с его постелью находился не кто иной как директор школы, в которой он учился – Павел Петрович Фрей.

– С возвращением, Вадим, – уронил Фрей, и в самом деле стоявший у изголовья его кровати, и чуть подернул губами в подобии улыбки.

Ну конечно, ведь это именно Фрею нужно было подарить зеркало...

– Где же?.. Зеркало, где это зеркало?.. – дрожащей правой рукой Вадим впервые попытался сам себя ощупать, правда сил не хватило, и получилась жалкая возня. – Я же обещал... И где... папа...

Он ожидал, что ответит ему именно папа. Ну или все тот же стоящий рядом Фрей. Однако вышло иначе – он услышал глубоко простуженный срывающийся голос мамы.

– Выжил... Выжил... – твердила она.

А потом ее теплые ладони осторожно повернули голову Вадима на бок, и он наконец увидел ее похожую и не похожую на саму себя одновременно: бледное осунувшееся лицо, при-

пухшие серо-голубые глаза, бесцветные подрагивающие губы и подбородок. Мысли его, которые до этого момента с немалым трудом плелись и все время путались, теперь помчались без оглядки, емко констатируя необратимое – отца больше нет... Вадим же не верил им, гнал прочь и все силился спросить, что происходит – не выходило.

– Мама... – наконец выдохнул он.

Мама же в ответ так горько разрыдалась и спряталась носом в трясущейся ладони, что без объяснений стало ясно – правда о необратимом для Вадима была лишь вопросом времени.

– Что... что со мной? – совсем растерялся Вадим. – Где я?..

– Ты выжил, сынок, – прошептала мама, а ее руки осторожно перебрались ему на лоб.

– Папа где?..

– Ты выжил... Выжил... – не переставая плакать, повторяла мама, словно не слышала его. – Ты выжил, Вадим.

Выжил только Вадим.

Глава 2. Впусти

Первый ноябрьский день хмурился с самого утра, был холодным и сырым, а уж после обеда до того разобиделся, что всплакнул морозящим дождем. И конечно, в такую погоду лучшим решением виделось просто остаться дома, даже несмотря на неприятный осадок после очередного ночного кошмара, но Вадим уже вышел на улицу. А если начало пути им положено, то отступать глупо и малодушно. И не в его правилах. Правила для него и без того всегда были неотъемлемой частью жизни. Теперь же, когда ему почти исполнилось двадцать, они и вовсе стали основным его кредо. Странно, что других это удивляло, а порой просто шокировало, ведь определенный распорядок, к примеру дня, дисциплинировал и экономил кучу времени. Вот только в настоящий момент даже дисциплина не помогала и что-то шло не так: минуты уходили слишком быстро, и стоило действовать немедленно или уже не сегодня: стильные часы на его запястье показывали десять минут четвертого, а значит, и до сумерек недалеко. Время...

– Впусти! – присев на корточки, нетерпеливо бросил он волнам реки, когда те накатили и скрыли его ладонь.

Отражения в мутной воде упорно молчали, но и Вадим не отступал. Потому, поднявшись и отряхнувшись от дождевых капель, он направился под пешеходный мост, до которого оставалось метров сто, не больше.

– Все равно заговорят, Вадим Андреевич, – уверял он самого себя, перескакивая очередную встречную лужу. – И не с такими приходили к задушевым беседам. Сейчас глубже возьмем.

Пронизывающий ветер то и дело налетал на Вадима и его друзей – Артема и Алису – на безлюдной городской набережной, заставляя ежиться, до упора застегивать молнии на куртках и накидывать то и дело летающие капюшоны. А ведь это именно они – брат с сестрой Арофьевы – виновники их общей неудачной прогулки. Именно они вытащили его в ненастье из долгожданного уединения в собственной комнате в выходной день. Вернее, уговорили помочь с розысками пропавшего прямо из школы круглосуточного пребывания одноклассника – некоего Кирилла Ковалю. И хотя Вадим часто помогал полиции в поисках пропавших людей в качестве волонтера и даже весьма преуспел в своем деле, – при помощи подсказок из отражений всегда находил «потеряшек» живыми, – сегодня его с самого утра не отпускала необъяснимая тревога. Вдруг на этот раз не повезет... не повезет именно тому, кто потерялся.

Оказавшись прямоиком под пешеходным мостом, Вадим потер озябшие ладони, снова присел на корточки и дотронулся до воды. Пальцы его исчезали в набегающей ряби, потом появлялись и снова скрывались. И наверное, еще минута, и он бросил бы эту затею из-за редкостного упрямства отражений, не желающих беседовать с ним именно сейчас, как внезапно отражения все-таки надумали показывать ответы на его вопросы и, мгновенно приковав внимание Вадима к себе, очертили внутри себя угловатый силуэт. Замер их собеседник, не шевелился, не дышал. Ведь ему осталось только рассмотреть подсказку и разобраться в увиденном.

– Впусти! – настоял он еще раз.

К этому моменту по водной глади уже пошли тревожные круги, а потом проявилось весьма бездарное настенное граффити: двое уродливых парней с перекошенными лицами. Их

бледные губы кривились в ехидных ухмылках, черные глаза-точки съехались к носу, тощие руки покоробились в локтях, суставы пальцев вздыбились неприятного вида шишками. А еще на порванных майках скособоченных людей была надпись – одна и та же у обоих: «Ты ошибся!»

Как только видение исчезло, Вадим поднялся и осмотрелся. Он обернулся и тут же задохнулся – наглый ветер бросил в лицо коктейль из мокрой листвы и мелкого щебня с тротуара. И хотя он закрылся руками, это не помогло защититься от едкого микса. Однако Вадима вовсе не ветер беспокоил, а отражения и их бесполезная подсказка. Граффити: «Ты ошибся!» Что за бред ему только что показали?

– Ну и где? Где? – возмущался он, оглядываясь по сторонам. – Где же они?

– Что ищем-то? – допытывался Артем, почти на глаза натягивая вязаную шапку с ушами и завязывая ее шнурки бантиком под подбородком. – Верес, не молчи!

Вадим, глянув на него, по-доброму усмехнулся – нелепый вид друга не ко времени повеселил. Или ко времени, дав как раз нужную передышку, чтобы собраться с мыслями. Потом он крутанулся на месте и, придерживая рукой капюшон толстовки, чтоб ветер не дергал его и без того растрепанные светло-русые волосы, бросил беглый взгляд вдоль всей набережной.

– Нет здесь этой нелепой мазни, – невесело заключил Вадим. – Хотя...

Граффити и в самом деле поблизости не нашлось. Зато над головой нашелся висячий пешеходный мост с гигантскими витыми тросами и неохватными колоннами. Горожане неторопливо прогуливались по нему, фотографировались и любовались пейзажами, невзирая на непогоду. Красиво, стильно, уютно – как-никак только после реконструкции, есть чему глаз порадовать. Удивляло одно: редкие путники до края пролета доходили и возвращались. Почему?..

Расплывшись в довольной улыбке, Вадим хлопнул себя по лбу.

– По ту сторону реки, что, Вадим Андреевич? – ликующе воскликнул он. – Заброшка!

– Ты о чем, Верес? – окликнул его Артем. – Ну, может, объяснишь уже?

Но Вадим не объяснил. А когда резко сорвался с места и, не оглянувшись на друзей, стремительно помчался к мосту, те перестали успевать не только за его путанными мыслями, но и слишком быстрым шагом. Он же никого не ждал, ничего не слышал, да и просто совсем забыл о попутчиках. Даже случайно налетая на редких прохожих, не обращал внимания на их ворчание. Ведь впереди заброшка! То, что нужно! И как же он сразу не догадался!

Достигнув другого берега, он, наконец, остановился и осмотрелся: вниз к реке бежали ступени, которые оказались настолько неухоженными и частично разрушенными, что спускаться по ним виделось полным безрассудством. Но Вадиму нужно было именно вниз, потому он уверенно принялся скользить по ступеням, пусть и оступаясь, и подворачивая ноги. И лишь добравшись до пешеходной зоны изнанки набережной, он вдруг вспомнил, что пришел сюда не один.

Конечно, не один. Вон слева Артем доламывал остатки ступеней неуклюжими стараниями балансировать на них же, при этом так заковыристо ругаясь вполголоса, что уже в третий раз получал укоризненный взгляд от сестры. Сама Алиса была куда осторожнее, и, прежде чем сделать шаг, нащупывала опору ногой. Когда же очередная ожидаемая ступень не нашлась, а Алиса замерла на месте, раздраженно закатив глаза, Вадим взобрался к ней и без лишних слов протянул руку. Она ничуть не смутилась и не отказалась от предложенной помощи. И вот еще минуту спустя друзья вместе добрались-таки до кромки воды, а непростой косогор остался за их спинами.

А вот и серая одинокая мостовая, утонувшая в тишине. Прогулочная дорожка ее давно растрескалась, местами вздыбилась и поросла травой. При этом мусора повсюду оказалось так много, что в первую минуту смутился даже Вадим. Да, здесь не фасад города, а скорее его задворки. Однако, если учесть, что от фасада ребят отделял всего-то небольшой сквер рядом с новой набережной по ту сторону реки, то запущенность и захламленность именно этого места сбивали с толку. Мало того, что тут повсюду, куда не повернешь, валялись осколки стекла, бумага, пакеты, так еще и дымящее пепелище костра встретилось, слева от которого лежали с десяток пластиковых бутылок и смятые одноразовые стаканчики.

История, надо сказать, получалась любопытная, но при этом не слишком приятно пахнущая. Вадим поморщился и прикрыл нос рукой, чтобы не вдыхать местные ароматы, словно боялся заразиться бесполезностью тех, кто оставил здесь помойку. Как все, он быть уж точно не собирался, потому сторонился шаблонности и таких же людей.

– Мне беспокойно здесь, – встревожено оглядываясь по сторонам, призналась Алиса. Потом обернулась и спросила: – Ничего, если я дальше пойду с тобой, Вадим?

– Вот тебе раз! Что это на тебя накатило, сестра? – поддел ее Артем, задрав свою смешную шапку в узор из разноцветных ромбиков на макушку. – Знаю я тебя. Ты у нас не из робких. И Вереса знаю. Он-то уж точно не согласится тащить за собой девчонку.

– Не такая уж я и смелая, как тебе кажется, – поймала брата на слове Алиса. – Да и ты у нас не храбрец.

– А это ты зря! – упрекнул ее Артем. – Как можно вот так запросто на людях позорить старшего брата, Лисонька?

– Вот так и можно, Темушка, – хмыкнула Алиса. – К тому же, ты старше меня всего на полчаса.

– Да с тобой рядом каждый час жизни за год идет, – не успокаивался Артем.

– Не спорьте, – прервал их пререкания Вадим и протянул девушке руку. – Алис, я не против, если дальше мы пойдем вдвоем.

– Вот тебе и два! – пробубнил Артем, обгоняя друзей, которые, несмотря на все его предостережения, теперь шли вместе. – Не советую тебе, Верес, вестись на Алискины уловки. Если что, я предупредил. Не жалуйся после.

Конечно, тут было о чем задуматься, только Вадим уже согласился на предложение Алисы и сдавать назад не собирался. А в «после» он и вовсе не верил. Зато он верил в себя и собственную обостренную интуицию, которая сейчас предупреждала об опасности. Поэтому вдоль изнанки набережной он брел осторожно. Несомненно, она лишь притворялась неряшливой тихоней, да и беззвучье ее обманывало – один шаг в сторону от проторенной среди мусора тропы, и любая разбитая склянка могла пронзить ногу.

– Здесь внимательнее, – предупредил Вадим, обернувшись к Артему. – Смотрим, куда идем. Можем порезаться.

– Это понятно, – буркнул Артем, безуспешно распутывающий завязки шапки под подбородком, которые одним неловким движением его рук из потешного бантика превратились в узел.

Охваченная беспокойством Алиса только кивнула и крепче сжала ладонь Вадима.

– Верес, а почему ты пришел именно сюда, если не секрет? – непонимающе пожал плечами Артем, так и не справившись с узлом и оставив все как есть. – Тебе ведь отражения нужны, так? Но река – это далеко не зеркало, и картинки в ней не самые четкие.

– Мне не нужны зеркала, Темыч, – обойдя стороной кучу битых бутылок, отозвался Вадим. – Мне нужны исключительно отражения. И качество их не имеет для меня никакого значения. Важно количество. А река – это такое гигантское скопище всевозможных городских отражений, что и искомое мною скорее всего здесь есть. Ведь вода особый проводник для них. И потому любая мелкая лужа даже на окраине со своей памятью доступна мне прямо отсюда. Главное, чтоб меня впустили в эти самые отражения. Ну и выпустили, конечно...

Под ботинками вновь проскрипели осколки стекла, и еще одна лестница осталась за спинами ребят, а впереди показался долговязый бурьян, который заговорщически шуршал, раскачиваясь на ветру.

Решительно раздвинуть сухие стебли и шагнуть в щетинистые заросли первым, оказалось не самой блестящей идеей Вадима. Кроссовок его сразу чавкнул, хватил ледяной жижи из лужи и промок насквозь. Рывком высвободившись из рук Алисы и преградив ей дорогу собой, он запрыгнул на сухой пяточек из асфальта чуть правее болота и без отговорок мысленно залепил самому себе жирный минус за несобранность и невнимательность.

Между тем друзья обошли его стороной и, умудрившись даже подошвы обуви не испачкать, уже выбрались из бурьяна, а он все так и пыхтел от раздражения к себе и месиву под ногами, пока не услышал удивленный возглас Алисы:

– Ого, смотрите, что здесь! Настоящая выставка самобытного искусства под открытым небом!

Едва Вадим обернулся, как у него дыхание перехватило от восторга. Он победно щелкнул пальцами и чуть улыбнулся. Казалось, удача вновь на его стороне.

– Тут не поспоришь, Алис, – хмыкнул он, в три прыжка добравшись до нее. – Редкостные экспонаты. Я бы даже сказал, штучные.

Это было именно то, что он искал – высокая бетонная стена, которая тянулась почти вдоль всей набережной, целиком исписанная граффити: от одинокой идиотской фразы о безответной любви до глобальных полотен о смысле жизни. Непрезентабельная живопись, конечно, пестрила красками и образами. Однако особенно цепляли теснящиеся по соседству нескладные люди, бесформенные животные и непонятные существа с витыми рогами, клыками и копытами, извивающиеся в огне. Ну и как тут настроению Вадима не уллучиться?

– Не то дьяволята в аду куражатся, – усмехнулся раскрасневшийся Артем, привалившись плечом к плечу самого щедушного чертика на стене. – Не то козлов жарят.

– Я склоняюсь к козлам, – пренебрежительно заявил Вадим. – Хотя и дьяволят не исключая. Второразрядное искусство, оно такое. И создатели этих творений, похоже, далеки от классического видения мира и себя самих. Экспериментаторы, так сказать, а на деле бездари.

– Точно! – восторженно воскликнул Артем, щелкнув пальцами. – Хотя, по-моему, творец до дьявола почти дотянул и...

– Ага, – усмешкой перебила брата Алиса. – Рога и копыта у этих сущностей, бесспорно, есть, но цельный образ падших ангелов вызывает даже у меня не страх, а смех.

– Ошибочка здесь, Артем, – прыснул Вадим. – С дьяволом то умеючи обращаться нужно – искусно. Впрочем, как и с козлами.

Искорка лукавого взгляда блеснула из-под ресниц Алисы, следом Артем расхохотался. Вадим же лишь сдержанно улыбнулся и принялся исследовать неприглядные шедевры.

Исследования оказались весьма успешными: тут нашлись и те уродцы, показанные ему на другом берегу – двое кривых парней с черными глазами. Они смотрели друг на друга. Одного из них изобразили в треснувшем в зеркале. И надпись на груди у того, что в отражении: «Ты ошибся!»

– Вадим, – встревожено позвала Алиса. – Посмотри, там еще какое-то странное зеркало.

И в самом деле, на растрескавшемся бетонном покрытии у стены правее двух кособоких парней стоял острием вверх крупный осколок зеркала. Имелись здесь и еще стекляшки – они громоздились рядом колкой горкой, смотрели исключительно друг на друга и больше не отражали. Одинокому же повезло больше. Пожалел его, похоже, какой-то случайный прохожий, пристроил к ограждению зеркалом наружу и оставил пялиться в тяжелое осеннее небо.

– Смахивает на ловушку, – неожиданно став чересчур серьезным, предупредил Артем.

– Что за бред, Арофьев, – выговорил ему Вадим. – Это просто разбитое зеркало.

Арофьев в ответ только пожал плечами, а Вадим присел, уперся коленями в мокрый бетон и отер стекло от грязных пятен, которые остались после недавнего дождя.

– Не дуйся, и тебе света еще достанется, – протянул он, обращаясь к осколку. – Поговори со мной. Успеешь еще в кучу ненужности. Впусти.

Долго ждать ответа от отражений на этот раз не пришлось: внезапно мимо Вадима промчалась пассажирская маршрутка, сигналив, что есть силы.

– Куда прешь, псих! – завопил водитель, на секунду высунувшись из кабины. – Не хочешь жить, не мешай другим!

Вадим подскочил на месте, и ужаснулся. А ужаснуться было от чего – кричат ведь ему. Это он – псих, потому что стоит на разделительной полосе на стыке перекрестка двух дорог, не способный сделать и шагу, потому что необъяснимым образом он прилип к разметке на асфальте и не чувствовал ног.

Или это отражения его путают?..

Ну конечно, он в отражениях! Сам же просил впустить, вот и впустили – значит, они согласны говорить с ним. Ему же нужно только сосредоточиться и услышать их.

Он дернул головой в сторону – старая образцовая часть города, самый центр. Слева теснился уютный сквер с деревянными скамейками, за которым горделиво возвышался стильный драмтеатр. Справа зазывал прохожих в гости фасонистыми вывесками огромный торговый центр, где при желании купишь все, что нужно, отдохнешь и перекусишь. Левее жался цирк, вернее каркас его светлого будущего, которое никак не наступало вот уже второе десятилетие. Позади – грандиозный компьютерный центр, выросший за пару лет из скромного двухэтажного сервисного центра в девятиэтажную электронную вселенную. Впереди важничала историческая часть города: старые трех и четырехэтажные дома, которые коммунальщики год от года старательно мажут, штукатурят и красят – возвращают былую красоту. Дома же не поддаются на их уловки и после зимы вновь линяют, рассыпаясь серым прахом на асфальт под ноги прохожим.

Чуть дальше по улице, по стене кирпичной пятиэтажки, неожиданно скользнул слепящий блик, и Вадим прищурился. Подворотня там, не иначе, вон и облезлая арка. Темно внутри, людей не видно, а блеск не успокаивался. Еще и еще ударял свет ему в глаза, словно одергивал: «Чего стоишь-то? Оглох?»

Верно! Слышит он. Зеркало это! Подворотня! Значит, Ковалю нужно искать именно там. Показали ему, о чем просил.

– Спасибо! – воскликнул Вадим, широко улыбнувшись.

Ликуя от того, что общение с отражениями сегодня вышло таким простым, быстрым и безболезненным, он победно крутанулся на одной ноге и торопливо шагнул на пешеходную разметку под зеленый сигнал светофора. Ему бы вовремя обернуться влево, а он вновь отвлекся на блик из подворотни. А когда обернулся, то резко дернулся назад, но было поздно: на него на бешеной скорости несся грузовик с прицепом, за рулем которого сидел тот уродец из странного зеркала на стене с граффити. «Ты ошибся!» – кричала надпись на драной майке на его груди.

Но даже не это заставило Вадима похолодеть, а белоснежный капот кабины, на котором словно из неоткуда вдруг проступило изображение: три румяных яблока и в багровых кровоподтеках надпись «Спелые решения».

Ну а потом случилось это... Время, отведенное Вадиму на вечность, в очередной раз прекратило ход: визг тормозов, брызги кислого яблочного сока из-под исполинских колес фуры, скрип, грохот, скрежет, удар...

Что такое „Спелые решения“, папа?..

Глава 3. Кто-то собирает осколки

– Верес! – встряхнул его за плечи Артем, неумело выдернув не только из отражений, но и из горьких воспоминаний. – Что с тобой? Где ты?

В ногах противно закололо, и Вадим вздрогнул, поперхнулся глотком воздуха и закашлялся. После попытался снова раздышаться, но не смог – по-прежнему сидя на коленях, он скорчился, ткнулся лбом в мокрый бетон и обхватил шею руками, жадно хватая ртом воздух, а секунду спустя плюхнулся на живот. Ему не было больно, нет, он не мог перевести дыхание.

Рядом жался к стене осколок старого зеркала. Это все оно – поломанное стекло мстило людям за предательство, и сегодня отыгрывалось на Вадиме, стремясь, в наказание навсегда запереть в отражении именно его. Ему же пора было выйти, и именно для этого он завалился на бок, протянул к стекляшке подрагивающую руку и из последних сил требовательно прохрипел:

– Отпусти!

И отражение, конечно, отпустило его – секунда, и он вдохнул, но сильнее закашлялся. Потом перевернулся на спину и уставился в грузное небо. Ему бы полежать, вот так не шевелиться, минут десять хотя бы, но нет – мало того, что воздух был холодный и колкий, а бетон жесткий и кривой, так еще над ним нависал ошарашенный Артем. Он стоял вполоборота и придерживал рукой Алису, видимо, чтобы она не подходила близко.

Вадим в ответ на поступок друга соорудил неприступное лицо и демонстративно фыркнул, всем своим видом давая понять, что поступок этот – откровенный перебор, и им с сестрой Вадим не навредил бы в любом случае. Потом он осторожно приподнялся на локтях, тут же резко сел и принялся рывками отряхивать перепачканную куртку. Радовало, что интуиция еще с утра настояла на черной. Ведь Вадим собирался выгулять новую желтую. Вот бы он знатно вывозился, а так даже и не все пятна заметны.

– Бойтесь меня? – наконец выговорил он друзьям, бросив затею привести в порядок рукава куртки, больше всего пострадавшие при выходе из отражения.

– Все нет! – заявила Алиса, бесстрашно выглянув из-за плеча брата, и попыталась обойти его, но тот ее не пустил.

– Это... что с тобой такое было, Верес? – обеспокоенно протянул Артем.

– Поговорили мы, – прыснул Вадим, медленно встал и отряхнул теперь еще и джинсы, продолжая глубоко дышать.

– С кем? – непонимающе уставился на него Артем, то и дело оглядываясь на сестру.

– Вот с ним, Артем! – Вадим сердито бросил рукой в сторону осколка у стены. – Ты сам как думаешь, с кем?

– Верес, я... – неуверенно начал Артем.

– Что, я? Что, Темыч? – хоть и терпеливо, но совсем не дружелюбно говорил Вадим. Он вроде и старался держать себя в руках и не грубить друзьям, но выходило плохо. – Что непонятного? С отражениями я говорил, ясно теперь? Или и дальше не догонять будем? Зачем вы с сестрой меня позвали? Вы же знали кто я? Так или не так?

– Успокойся, Вадим, – вступилась за брата Алиса, наконец отодвинув его на второй план, заправляя при этом растрепавшиеся пепельно-русые волосы под капюшон куртки. – Мы просто испугались.

– Я заметил, Алис, – пробурчал он, пристально глядя на нее. – Меня.

– Мы не тебя испугались, Вадим, а за тебя, – поправила она. И приблизившись, назидательно ткнула кулаком ему в грудь. – Это совсем другое.

Выходка Алисы не мало удивила, и на мгновение Вадим растерялся. Само по себе это ничего не значило, но было любопытно. С каких это пор она за него беспокоится? Да и к тому же так смело касается, зная все его пунктики по поводу личного пространства, обостренной чувствительности и не менее обостренной брезгливости. Это Вадиму обязательно нужно было выяснить. Но, естественно, не прямо сейчас. А прямо сейчас он быстро взял себя в руки и, весьма правдоподобно изобразив подобие язвительной улыбки, продолжил:

– Спасибо за беспокойство. Но «другое» того не стоило.

– А что с тобой такое случилось? – вернулся в разговор Артем, раздраженно пнув ногой пакет с мятыми жестяными банками, через который он чуть не упал, когда сестра дерзновенно выпихнула его из беседы. – Припадки? Или паралич какой?

– Это плата, Темыч, – пояснил наконец Вадим.

Чего возмущался на Артема с Алисой, он и сам не знал. Не они же его держали в отражении и не отпускали назад – в обыденность. Он шмыгнул носом и резко потер лоб. Потом расшвырял и без того непослушные волосы, тут же медленно пригладил их.

– За беседу по душам отражения требуют платить, – нарочито спокойно продолжил он, а самого изнутри колотило раздражением. – Собой платить. Я заплатил.

– А если они тебя убьют, отражения эти? – пожал плечами Артем, стянув-таки свою нелепую шапку с ушами с пепельно-русой макушки, как и у сестры, на затылок. – Возьмут, и расправятся с тобой за вторжение в них. Возможно же такое?

– Не исключено, – с досадой выдохнул Вадим и обернулся к одинокому зеркалу, которое, как и прежде, пялилось на хмурые тучи.

– И не страшно тебе? – заволновалась Алиса, потирая озябшие ладони и перебегая взглядом с брата на друга и на то зеркало у стены. – Вдруг в следующий раз не отпустят?

– Не нагнетай, Алис, – жестко отрезал Вадим, а потом уточнил: – Сам разберусь, если что не так пойдет. Без вас.

– Может, не стоит больше так... – предложил Артем.

– А ты, Темыч, думал какво это с отражениями говорить? – перебил его Вадим, разведя руки в стороны. – Легко и просто? С беззаботной улыбкой вошел в чужое прошлое, побродил там, посмотрел, увидел, чего хотел и вернулся в реальность в едином свободном порыве? Не так все. Я сквозь отражения прохожу, а они в ответ меня наизнанку выворачивают. Такие вот у нас с ними дела.

Он терял терпение, и крепиться, чтоб не выплеснуть на ребят чего-то особенно обидного, становилось все сложнее. Потому он замолчал недолго. И только после намного спокойнее добавил:

– Может, отражениям тоже больно, как и мне, кто ж знает. Только они позволяют мне и входить, и выходить. Показывают, что прошу. И подсказывают, когда находят того, о ком я спрашиваю. Стоит, Темыч, оно того стоит, поверь.

Все смолкли. Артем надуту сопел, подпирая спиной недожаренных на вертеле не то дьяволят, не то козлов на стене позади себя. Алиса, горделиво вздернув подбородок, рассматривала речные виды, совсем не борясь с ветром и не пряча локоны под капюшон. Вадиму же больше и единого взгляда ее зеленых глаз больше не досталось. Обиделась, наверное...

– Что там про Кирилла, – на долгом выдохе протянул Артем, – здесь он или...

– Нет, не здесь, – прервал его Вадим. – Нужно в город.

Задел он Артема с Алисой, сам понимал. И хотя они знали, что Верес-младший умеет говорить с отражениями, тому, как именно происходят подобные беседы, свидетелями ни разу не были. Растерялись, похоже, брат с сестрой, когда увидели, что он сознание потерял, испугались, когда трясти стало. Вадим ведь не удосужился до нового сеанса общения с отражениями, рассказать друзьям, что и как именно с ним произойдет при входе в отражения и выходе из них. И что конкретно делать в этот момент, тоже не удосужился объяснить: бездействовать им или бросаться на помощь.

Ведь при общении с отражениями всякое бывает. Порой он стоит и не шевелится пару минут, словно под гипнозом: глаза раскрыты, зрачки расширены, почти не дышит. Иногда кровь из носа хлещет, что не остановить. Или он, как слепой, идет на ощупь и не отзывается на оклики. А когда Вадим выходит из отражений, почти всегда с ним случаются такие болезненные судороги, что не отличишь от эпилептического приступа.

Со стороны, наверное, это жутко и неприятно выглядит. Ему же изнутри еще страшнее, когда отражения не отпускают. Сегодня как раз и произошло у него весьма сложное погружение в чужое прошлое с полной потерей себя среди живых. Да, Вадим не успел обсудить с Арофьевыми возможные подробности собственного входа в отражения и выхода из них. А все, потому что увлекся поиском важных ответов и отключился от реальности, забыв обо всех и обо всем. После возмутился на Артема с Алисой за их непонятливость и неспособность проникнуться его чувствами и болью, когда зеркало долго не отпускает. Безосновательно возмутился, не отрицал. Просто нервы сдали – общение с отражениями для психики не проходили бесследно. Но и оправдываться он не собирался – не в его правилах. Потому он просто кивнул в сторону моста и пояснил:

– Нам в город. Я покажу, что мне показали, и где показали. Оттуда и начнем.

Нужно было торопиться, и Вадим первым шагнул на полуразрушенные ступени лестницы изнанки набережной, поднялся чуть вверх и, обернувшись, протянул руку Алисе, которая шуршала позади. Он был почти уверен, что она проигнорирует предложенную помощь после всех его неконтролируемых грубостей сегодня. Но она на удивление не отказалась и ухватилась за его ладонь, хотя ее поджатые губы однозначно давали понять – он не прощен за свой чересчур резкий тон при беседе с ней.

Ну а потом она шагнула ему навстречу и оступилась, резко дернув и Вадима за собой. А он сразу сгруппировался и сильнее потащил ее на себя, притянул близко, чтоб уж наверняка не свалилась в реку, и осторожно приобнял за талию. При этом, как ни странно, ни его обостренная чувствительность, ни точно такая же брезгливость не взбунтовались. Это было новым...

– Ну, ты даешь, Верес! – хмыкнул Артем, резво обогнав неуклюжую пару. Дурацкая шапка его совсем свалилась с головы, при этом еще ту же затянув узел у подбородка, и теперь болталась за плечами, как запасной вязанный парашют.

– Я помогаю Алисе подняться по этому подобию лестницы, – отозвался Вадим, стараясь сохранить невозмутимое лицо и сдержаться от смешка. – И только.

– Это понятно, – не успокаивался Артем, поглядывая на руки друга на талии сестры. – Я так и подумал.

– Идемте уже, – отмахнулся от него Вадим.

Полчаса пешего пути по угрюмому городу, который с самого утра мок от ноябрьской измороси, и ребята оказались на месте. Вот и перекресток, который недавно показало обиженное зеркало. А вот и та самая серая пустынная улица, где высились старые пятиэтажные дома и теснились друг к другу магазины с яркими вывесками. И почти не было людей.

Вадим с опаской осмотрелся, нет ли случайно поблизости грузовика с яблоками на капоте. Потом потыкал – ну так, на всякий случай – носком кроссовка разметку на асфальте: нет, он не лип к ней, и это хоть немного успокаивало. И только после оглянулся на удивленных друзей, но вдаваться в подробности не стал, а они и не настояли. И дальше они вместе прошли пешеходный переход и сразу наткнулись на окна.

Окна. Их оказалось здесь до того много, и они настолько разнились, что в первое мгновение Вадим потерялся в раздумьях о том, в каком из них найдется самое качественное отражение. Одни из них были легкодоступными у самой земли: заляпанные грязью по верхушки рам, со сколами и трещинами, безликие и одинокие. Другие – важными, с чистыми стеклами, белоснежной отделкой, стильными шторами или модными расцветками жалюзи внутри.

Решиться, к какому именно окну обратиться, Вадим сразу не смог, и чтобы хоть немного отвлечься от личных противоречий, смахнул с макушки мелкие капли дождя и оглянулся на притихших друзей. Хорошо, конечно, что они втроем остались посреди улицы, которая лениво

тонула в мокрых сумерках, и даже остановка общественного транспорта оказалась безлюдна. Ведь лишние очевидцы при общении с отражениями пусть и не являлись помехой, но были не желательны. Однако уединение это ожидаемо продлилось недолго – вдалеке показалась пассажирская маршрутка.

И тогда Вадим кинулся все-таки к ближайшему окну-недотроге. Если оно видело, о чем он спросит – быстро покажет, плату возьмет и выпустит. Не видело – промолчит бесплатно. У него с отражениями общение было устроено так: почти всегда взаимопонимание без причинения вреда и увечий друг другу. Просчеты случались иногда, но мелкие и не особо губительные для обеих сторон. Промахи он списывал на собственную неопытность: неумелое, порой, обращение с отражениями. Поражениями надолго не разочаровывался, разрешал сам себе иногда ошибаться. Минусы изредка допускались, но сегодня отрицательные происшествия зашкаливали и придавливали безысходностью.

Едва он дотронулся до стекла, как иссохшие капли дождя прилипли к коже и противно заскрипели.

– Ну, давай же, давай! – настоял на своем Вадим. – Покажи мне, что Кирилл видел последним. Впусти!

Результат был сомнительным. Да, отражения довольно быстро выдали кое-что, но нечетко. Мутная картинка: силуэт человека, которого в деталях не разглядеть, и две смазанные ладони. Платы с Вадима не взяли – оно и к лучшему, конечно. Он только руки запачкал о чумазое окно. Похоже, стекляшки сделали ему скидку за неясный образ – уценили подсказку. Он же выиграл только и сохранил себя. Пока...

– Вадим, тебя не смущает, что на нас с любопытством оглядываются прохожие? – тихо сказала Алиса и коснулась его пальцев на стекле.

Ну нет, только не сейчас... Ведь это отвлекало его от главного – от отражений. Он глянул на девушку хмуро. Она осталась на месте, по-прежнему нарушая его личное пространство. А ему вдруг так сильно захотелось высказать ей новых колкостей, что сдержался он только после того, как вспомнил, что ведь и без того был не слишком дружелюбен на набережной. Потому он терпеливо объяснил:

– Нет, не смущает, Алис. Мне нет до них никакого дела.

– Другого ответа от тебя, Верес, даже и не ожидал услышать, – рассмеялся Артем, стоя у окна рядом и подпирая плечом кирпичный выступ здания.

– Покажи, куда шел Кирилл! – нервно прошипел Вадим и почти уперся носом в стекло, больше не обращая внимания на ребят.

Только отражение, только тусклое изображение.

– Впусти!

Между тем его снова коснулись. И он, окончательно потеряв терпение, обернулся и почти разразился гневными возмущениями в сторону Алисы, как вдруг наткнулся взглядом на морщинистую женскую руку на своем плече.

Выдержка подвела его: скривившись от отвращения, он отшатнулся к стене. Зато пожилой даме, стоявшей позади него, выдержки, похоже, было не занимать – она даже и в лице не изменилась при его весьма невежливой выходке. А еще ей было не занимать эпатажа: яркий макияж и маникюр, синее платье чуть ниже колен, короткая красная кожаная куртка, красные лакированные туфли, такого же цвета стильная шляпка и красный набалдашник на тонкой трости для ходьбы в руках.

Выждав пару секунд, Вадим глянул на друзей – Артем стоял на том же месте, косясь на пожилую даму, и молчал. Алиса только растерянно отрицательно повела головой.

– Кто-то собирает осколки, мальчик! – тем временем напористо произнесла женщина.

Она так жадно поела светло-карие глаза Вадима своими мутноватыми голубыми, что становилось не по себе. Как вдруг она сильно сощурилась, приведя в движение глубокие морщины на изрядно потрепанном временем лице, и заявила:

– Кто-то собирает осколки! Запомни это и будь предельно осторожен. Ты говоришь с отражениями, верно? И он тоже. А значит, сегодня ему мешаешь именно ты. Ты опасен и для него, и для его зеркала. Ведь ты раскроешь все его тайны и разрушишь настоящее, если намеренно разворошишь прошлое. Он не допустит этого и избавится от тебя – безжалостно избавится! Береги себя, мальчик! Береги в себе себя!

Ну а дальше не успел Вадим и с мыслями собраться, не то, чтобы хоть что-то ответить эпатажной старушке, как она резво засемила вдоль тротуара, бубня в трубку модного смартфона нечто неразборчивое. Потом ловко заскочила в подъехавшее такси, хлопнула ярко-желтой дверкой с шашечками на боку, и машина со странной особой внутри быстро затерялась в транспортном потоке.

– Вадим, – взволнованно произнесла Алисы и собралась было сжать его пальцы в своих, но он не разрешил и резко высвободился. – Что такое «осколки»?

Если б он только знал! Однако он впервые о них слышал. Может, гениальный программист Артем Арофьев встречался с «осколками» на просторах интернета, и непременно поможет ему? Но тот лишь растерянно пожал плечами.

Вадим прекрасно понимал: что-то во всей этой истории было не так... Да все не так! История эта, как ни крути, получалась нелогичной. Потому что не мог обычный ученик пусть и не самой обычной школы вот так запросто взять и сбежать в неизвестность. Не мог без разрешения администрации и директора покинуть учебное заведение круглосуточного пребывания, забыв прихватить теплые вещи, когда на улице глубокая осень. Обратного не вернулся, дома так и не появился. Его ищут вторые сутки полиция, волонтеры, представители школы... но без толку.

Что произошло? Сбежал? Вот так просто?

Нет, не сходится.

Лучшим решением виделось вновь попросить подсказки у отражений, и Вадим так и сделал. Ведь, чтобы поговорить с ними, ему и требовалось всего-то коснуться рукой любого зеркала, обычного стекла или воды, уверенно настоять, чтобы впустили, и уже там – по ту сторону реальности в чужом прошлом, задав интересующий вопрос, разгадать увиденные намеки. При этом немаловажно, чтобы после беседы его быстро отпустили в настоящее, иначе переизбыток чужих воспоминаний из стекляшек мог забрать его рассудок. Вот только разве все предусмотреть...

– Кирилл! – требовательно произнес Вадим, перебирая по стеклу пальцами. – Куда ты шел? И зачем? Где же ты? Покажи мне. Впусти!

Неожиданно в носу защипало, разболелся затылок, веки склеились и почему-то не разлеплялись, дышать не получалось вовсе.

Ну конечно, это ведь отражения впустили его – сам же настаивал.
А потом они заговорили.

Глава 4. Верните меня назад

В отражениях Вадим или все еще нет, разобраться он пока не мог. Все потому, что в глотке его так мерзко саднило, что ни о чем другом не думалось. И только когда он прокашлялся, открыл наконец глаза и очутился в мутной пелене, его охватила паника – он почти ничего не видел! В отчаянии он бросил руки в стороны, ища стены, но без толку – рядом не во что было упереться.

– Где я?.. – суетливо просипел он. – Где, где, где?

Безумно трещало в затылке – копошилось там непонятно что, тыкало, потом перекатывалось вперед и тут же наваливалось на виски. Когда же Вадим дотронулся до век, то попал в липкие ресницы, а на пальцах остался склизкий налет.

– Что же такое случилось? – сдавленно прохрипел он. – Ослеп? Но когда? И почему?..

В груди при каждом вдохе и выдохе до того болезненно свистело, что казалось, будто легкие отжали досуха, как дряхлую поролоновую губку. А Вадим даже через боль снова и снова хватал ртом воздух и тут же жадно глотал его.

– Идти, идти... – твердил он, еле передвигая ноги и спотыкаясь на каждом шагу. – Мне нужно идти... Или замерзну...

Плохо, конечно, что, когда уперся руками во что-то скользкое – стекло, может, – почти ничего не увидел, кроме плотной белесой завесы. Даже несмотря на то, что щурился и тер глаза в надежде, что зрение вернется, а они только сильнее горели и слезились.

Хуже стало, когда, оступившись, он споткнулся, а невидимый железный брусок вдарил ему под ребра и, выбив воздух, вынудил сдавленно хрипеть, корчась в немом вопле. Когда же мучительное пекло в точке солнечного сплетения немного утихло, и он снова вдохнул, то иззябшей пятерней нащупал обидчика – перила.

– Дойду, я дойду... И не сдамся, – почти без голоса повторял он. – Только нельзя останавливаться...

Еще стекло, и еще... Но стекла хотя бы не ранили его, чего не скажешь про подоконники, острые торцы которых то и дело впивались в его ладони. Пару раз Вадим успевал отдернуть руки за мгновение до боли, а дальше опаздывал, и металлические пластины жестоко резали его.

Люди, еще и еще люди... Он наткался на них, а они отвечали крепкой руганью и брезгливо отпихивали его прочь. И он снова и снова бился о перила. Падал на асфальт, зарывался ладонями в опавшие листья, в месиво луж, в чавкающую грязь. Тяжко выль сквозь зубы, когда все больше промокал и промерзал.

Когда же он в очередной раз с трудом поднялся и поплелся дальше, ему показалось, что кто-то словно ненавязчиво придерживал его под локоть и дальше за плечи осторожно направлял по некоему практически невидимому маршруту.

Показалось ли?..

Снова встретились холодные стекла. И вот ведь какое дело... Вадим почему-то больше совсем ничего не видел, даже прежней мути. Похоже, наступила ночь. Да и не холодно ему уже, а просто устал.

Разбираться в происходящем ему предстояло на ходу. Если получится, конечно, на ходу остаться... В чем он сильно засомневался, когда закончилась стена, и его рука провалилась в пустоту. Шагнув в неизвестность, он оказался окутан тишиной и сырым воздухом. А прижавшись спиной к корявой кладке, совсем расклеился и сполз по ней на асфальт, где сжался в комок и уткнулся носом в колени.

– Тепло, сейчас будет тепло, – успокаивал он самого себя. – И не больно ведь, правда? Правда...

Дыхание словно замирало. Почему он здесь?.. Где здесь? Надо встать и идти дальше. Отступить именно сейчас нельзя! Вот только есть проблема: почти не осталось сил. Растратился он в поединках с перилами, с холодными хлюпающими лужами, с зябкими стеклами. Разумеется, можно и нужно еще побороться за себя. Только с кем – с кем бороться?..

Но что же это?.. Его осторожно хлопали ладонями по щекам и в то же время затягивали на шее мягкую петлю. Душат?.. Ну нет, так просто сдаваться он не собирался, и потому завожился в чьих-то крепких руках, непослушными пальцами высвобождаясь из шерстяной удавки. Но ему не позволили выпутаться – еще туже затянули петлю.

Между тем сил, чтобы и дальше сопротивляться, у Вадима не осталось. И хотя он по-прежнему не смирился с грядущей страшной участью, голова его безвольно заваливалась на бок. Однако ее подняли, и продолжили растирать ему лицо. А потом к его угасающему сознанию прорвался мужской голос:

– Давай, дружище, рано тебе умирать, слышишь! Просыпайся же! Сейчас поможем тебе, вытащим, отобьем. Ты только дыши. Дыши!

Наивно поверив в спасение, Вадим охотно подчинился невидимому собеседнику и часто задышал. Значит, не убивают! Значит, ошибся, и не в кучу ненужности его пока, нет! Там другие пусть остаются, а ему к живым нужно, с живыми! И он, как смог, принялся цепляться за человека, которого не видел, впиваясь скрюченными пальцами в его кожаную куртку, при этом ни на секунду не переставая кашлять. Рядом люди. Только бы не ушли и не оставили.

– Не бросайте меня одного! – вдруг закричал Вадим. – Только не бросайте меня здесь! Я не хочу...

Голос его надломился, тело обмякло и наполнилось тяжестью, глаза сами собой закрылись, под ухом оказалась стена, и на последнем выдохе он прохрипел:

– Остановите это... Выпустите... Отпустите... Верните... Верните меня назад...

– Вернись, Верес! Вернись к нам!

Неужели Артем?.. И хотя верить собственному слуху в отражениях Вадим опасался, сейчас он хотел только одного, чтобы говорил с ним из реальности именно Артем. Ведь не сбежит же он и не бросит друга корчиться посреди города в жуткой ломке выхода из отражений? Не сбежит же, правда?..

Артем сбегать не собирался. И на этот раз даже не растерялся. Он, пусть еще и неумело, зато решительно возвращал Вадима – вытаскивая из отражений, тряс его за плечи. Правда пока без особого толку.

– Отражения... Это отражения... – метался в бреду Вадим. – Я в отражениях... Мне нужно прямо сейчас выйти или...

Ну вот же, вот Арофьев напротив, сильно так по лицу хлещет... Осталось просто зацепиться, да хоть за боль, но получалось у Вадима плохо. Еще хлопок по щеке, и еще...

– Почему не могу выйти... – твердил Вадим, так до конца и не понимая, где именно он находится. – Почему же?..

– Тема, остановись! Вадиму больно! Посмотри, его лихорадит, – взбунтовалась где-то совсем рядом Алиса. – Может... может, по-другому как?

Услышав голос Алисы и вспомнив ее теплые ладони, сжимающие его, Вадим так резко дернул головой назад, надеясь четко увидеть хотя бы ее, что налетел затылком на кирпичный выступ и, тихо застонав, очнулся – вышел.

Выйти то он и в самом деле вышел, вот только снова не особо удачно – сидел прямо на холодном асфальте в углу полутемной подворотни. Еще большей неудачей посчитал, что ноги его оказались раскинуты в стороны, руки онемели и все тело горело. Ну а уж то, что грудь сотрясали тяжелые, обрывистые вздохи, и вовсе беда – так и до инфаркта не далеко в его-то почти двадцать... Такого он не ожидал.

Нельзя сказать, что его насторожил вид нависшего над ним встревоженного Артема, а вот вид расстроенной Алисы, стоящей рядом на коленях – насторожил: глаза ее были воспаленные какие-то. Ревела что ли? Ну это она зря. Ведь все уже закончилось – Вадим вернулся и, конечно, остался жив. Да и вообще, это вовсе не он умирал в отражении. Правда, почувствовал, как себя, но то лишь рабочий момент.

Вот только объяснить подобное Алисе он пока не решился, вряд ли она поймет его сейчас. Потому он с большим трудом выдавил подобие улыбки и объяснил проще:

– По-другому меня никак не вытащить из отражений, Алис. Никак не...

Но Алиса не дослушала, не дала договорить. Она бросилась к нему, притянула за плечи к себе, обняла и стала быстро-быстро целовать его волосы, лоб, шею. А он и не сопротивлялся, и даже обнял ее в ответ, но только когда совсем пришел в себя. Но не целовал, нет – молчал. Ему бы для начала хотя бы на ноги подняться, какие там поцелуи...

И он поднялся, но только минут через двадцать. При этом на людей, которые брели мимо и кидали брезгливые взгляды на молодежь, притаившуюся в темном углу, Вадим внимания

не обращал. И без их осуждения знобило так, что хоть скорую вызывай: пусть думают, что хотят, их мнение Вадима не волновало. Зато волновало, что слишком долго кашлял и как-то уж совсем жутковато свистяще дышал, но и с этим он справился. И хотя все то, что он через себя пропустил, произошло не с ним, – отражения помогли ему, показали, что просил, только изнутри того самого Кирилла, которого он целый день искал, – психике Вадима выдержать подобную встряску удалось с большим трудом.

– За что вы так со мной? – недобро ухмыльнувшись, процедил он, искоса глянув на лужу у входа в арку. – За что так больно сегодня?

Ответа ожидаемо не последовало. Зато последовал финал выхода из отражений, когда совсем перестало трясти. И только тогда Вадим, даже не пытаясь привести себя в порядок, наконец вырвался из злополучной подворотни во двор пятиэтажных домов. Он не шел – бежал, не оглядываясь, пока не иссяк ложный запал сил. Потом присел на лавочку рядом с пустующей детской площадкой, уперся лбом в металлическую перекладину решетчатого ограждения и закрыл глаза. Просто говорить, и то пока было для него нелегко, но когда увидел растерянную Алису, пусть с трудом и хрипло все же произнес:

– Нормально все, Алис.

– Нормально? – воскликнул за его спиной Артем, и Вадим еле отлепился от железной трубы и обернулся. – Да ты, Верес, с первого дня нашего знакомства не казался мне нормальным! А уж после увиденного сегодня, я вообще сильно сомневаюсь в твоей вменяемости. Вот если б я не знал, кто ты, то решил бы, что у тебя помешательство – причем, не тихое. А так... мы думали, что ты сейчас задохнешься у нас на глазах без видимых на то причин. Ты напугал нас! Я никогда такого не видел и не знал, чем помочь. И до сих пор не знаю. Ты хоть предупреди в следующий раз, чтоходишь в отражения... И инструкцию оставь, как тебя при случае вытащить.

– Предупрежу, – с трудом отбивался от нападков друга Вадим. – Оставлю, вытащишь еще, и возможно, не один раз.

Артем промолчал, недовольно посопев. Потом кинул рюкзак на мокрое ярко-оранжевое сиденье карусели крутилки и достал воды.

Что ж, друг оказался куда дальновиднее, чем Вадим предполагал. Сам он не предусмотрел возможную настолько сильную жажду после отражений, а зря: с жадностью осушил предложенную литровую бутылку газированной минералки. Как не предусмотрел и того, что стоило ему расслабленно откинуться на спинку скамейки, как Алискины руки тут же оказались на его плечах.

А дальше-то что?.. Да, уютно стало и тепло, словно домой приехал, где ему всегда рады, и любят просто так, даже когда он психует. Да, захотелось продлить странное пустое мгновение... Но нет, продлевать он ничего не планировал – не сейчас так точно. Вместо этого он потер ладони и, самодовольно улыбувшись, заявил:

– Темыч, доставай ноутбук, открывай сайт школы. Для начала смотрим личные данные одноклассников Кирилла. Нам нужны фамилии тех, кто живет поблизости. Беглец был здесь

и чуть не погиб, но ему вовремя помогли. То есть я на это надеюсь. Осталось вычислить кто помог, и мы у цели.

– Не открывай, а вскрывай, Верес, – цепко сощурившись, поправил Артем.

Надо же, какой умник. Вадима умники раздражали почти так же, как эгоцентрики, и поспорить с ними для него было делом чести. Однако спорить он не стал, – не до того сейчас, – просто дернулся к Артему всем корпусом, наклонился и заговорщически прошипел на ухо:

– Вскрывай, Арофьев!

Глава 5. Невидимая связь

Вскрытие сайта школы затянулось на полчаса. Артем долго провозился с интернетом – никак не ладилось с сигналом. Когда же связь установилась, друг сразу застучал по клавиатуре ноутбука, работая снаружи так мастерски, что уж наверняка остался внутри незамеченным. Юный компьютерный гений пробирался в архивы, где невидимкой сливался с нужными файлами, папками и тут же брал их в личное пользование: находил адреса учащихся школы, в которой и сам учился.

Монотонное бряканье клавиш неприязненным эхом отдавалось у Вадима в и без того тяжелой голове. Он по-прежнему сидел на лавочке, только теперь обхватил себя за плечи, ссутулился и молчал, глядя вперед. Что такое с ним произошло в отражении, пока не понимал. Но, кажется, он сегодня так глубоко нырнул в чужое прошлое, что оно чуть его не убило.

– Ты нас вообще слышишь или нет, Вадим? – озабоченно произнесла Алиса.

Мягкие прикосновения рук Алисы к его плечам несли с собой тревожную догадку: есть между ними некая невидимая связь. Именно Вадиму невидимая. Или нет?.. Что если есть? Тонкая она, бесцветная еще, не напитана взаимностью, не скреплена сходствами, не ранена различиями. Не напугана она реальностью, не окутана разочарованиями, не больна прилипчивым «скучаю по тебе» ... Связь эта неумелая и неопытная, маленькая совсем. Тыркается она наивно кулачком Вадиму в грудь, неуверенно держит за руку, беспокоится о нем и переживает. А Вадим что? Нужно ли ему все это? Слышит ли он Алису? Хочет ли слышать?..

– Слышу, – с трудом выдавил из себя Вадим и нарочито бодро выпрямился.

– Я тут подумал, Верес, – размышлял Артем, оторвавшись наконец от клавиатуры. – Может, вернемся в школу. Тебе плохо, это видно. Ты как будто не здесь.

– Да здесь я, здесь, – устало хмыкнул Вадим, а когда встретил растерянный взгляд Алисы даже попытался улыбнуться, но не смог. – Всему виной исключительно отражения – это именно они меня из настоящего вышибли... или настоящее из меня... Ну а теперь о главном: что по адресам, Темыч?

– Два, – буркнул Артем и развернул ноутбук экраном к другу. – Здесь, как раз в этом дворе. Олеся Осипова из десятого класса, и Анна Арадная – наша с Алисой одноклассница.

– Так, – задумался Вадим и потер лоб. – Родители есть?

– Олеся живет с матерью. А вот у Ани полная семья: мать, отец, два младших брата, – листая личные дела каждой, рассказывал Артем.

– Тогда к Арадной и идем, – заключил Вадим, барабаня пальцами по деревянной лавочке. – Там мужчина был. Скорее всего, ее отец.

– Там, это где? – встревожилась Алиса и покосилась на брата.

– В отражениях! – сердито протянул Вадим и тут же вскочил на ноги. – Сколько ж можно одно и то же повторять?! Сперва Темыч мне нервы трепал своей тупостью, теперь и ты туда же, Алис. Ну, может, хватит...

– Успокойся, Вадим, – с обидой в голосе перебила его Алиса. – Я просто спросила.

– А я просто ответил! – значительно повысив градус напряжения в разговоре, отозвался Вадим. – В отражениях! Что непонятного опять? Давай вот дальше без дурацкой болтовни обойдемся, Алис.

– Давай, – холодно ответила девушка, при этом по-прежнему стоя рядом с ним.

Глупые и неуместные вопросы выводили Вадима из себя в считанные секунды. Сегодня происходило именно это. Мгновенно проснулось непреодолимое желание высказать Алисе все, что он о ней думал именно сейчас. В мелочах объяснить, что он терпеть не может пустое в людях, что вопросы должны быть в тему и ко времени. Зачем их задавать, когда заранее знаешь ответ? А если не знаешь, лучше вообще молчать – умнее выглядеть будешь. Вот только, кажется, у него уже и так много лишнего сорвалось с языка. И потому он просто взял и, больше не говоря ни слова, убрал со своих плеч руки Алисы.

Наступило молчание, нарушаемое только мерзким скрипом – это Артем раскачивался на детской карусели. Забравшись на скромных размеров сиденье с ногами, он неодобрительно смотрел на друга, но в их с сестрой обмен любезностями не встревал вовсе.

Ну а потом Вадиму нестерпимо захотелось, чтобы Алиса первая заговорила с ним. Поняла без объяснений, что это он не со зла на нее сорвался, а просто вымотался сегодня и так устал в отражениях, что не осталось ни сил, ни желания по второму кругу рассказывать о своих исключительных особенностях.

Однако прошла минута, потекла другая, а Алиса по-прежнему молчала и к нему больше не подходила. Доверху застегнув молнию на дутой короткой куртке, она спрятала руки в карманы, опустила подбородок в ворот вязаной кофты, отвернулась и смотрела в проем между домами.

Вот, кажется, и все на том, связь оборвалась – Вадим оборвал.

Тем не менее он не поддался накотившему унынию – заглянул в монитор ноутбука Артема, нашел нужный адрес в открытом файле и, сорвавшись с места, помчался вперед.

– Хочешь ли, Вадим Андреевич, слышать? – надуту отчитывал он самого себя по пути. – Себя-то хотя бы слышишь?..

Пять тихих минут пешком сквозь сырость ноябрьского вечера и серость старого двора, и вот нужный подъезд, этаж, квартира. Вадим нажал кнопку звонка, и дверь сразу открыли: высокомерно задрав голову, незнакомец – навскидку лет сорока, лощеный и в прекрасной физической форме, – оценивающе пробежался сощуренным взглядом по ребятам, а секунду спустя, ни говоря ни слова, настороженно оглядел площадку и лестницу за их спинами.

– Добрый вечер, – начал Вадим первым. – Меня зовут...

– Я знаю, кто ты, молодой человек, – оборвал его хозяин дома, открывая шире дверь. – Много о тебе слышал, но не думал, что ты придешь сюда так быстро. Недооценил тебя, признаю. Я Антон Александрович Арадный. А ты, как я понимаю, Вадим Верес – на отца похож. И сыщик в него, видимо.

– Верно, – согласился Вадим, внимательно вглядываясь в лицо человека напротив, и при этом стараясь понять, откуда тот знает и его, и отца. А потом решительно заявил: – Мы ищем Кирилла Ковалья.

– Вы уже нашли, – Антон шагнул назад, освобождая проход. – Ты нашел, так ведь, Вадим Андреевич? Входите, только тише, он спит.

Вот как. Так просто? Или нет... Или ловушка, и еще трое ребят так же, как и некий Кирилл Коваль, сейчас без вести пропадут среди бела дня в самом центре города. Ну нет, что за бред. Или да... Или да, Вадим Андреевич?! Да ты хоть на секунду задумался, куда именно ведешь своих друзей? Нет, а зря. А они-то сами что? Входить или нет?

Вадим глянул на Алису. Она смотрела мимо – на него нет. Обиделась, ну конечно, как он мог забыть – сам же и обидел. Потом перебросился пытливый взглядом на Артема. Друг ведь, поддержать должен, если что, подсказать, поправить. Тот был встревоженный, и нервно тер ладони, а на взгляд Вадима только бестолково пожал плечами, впрочем, как и всегда. И тогда Вадим уверенно кивнул в сторону стоявшего на пороге Антона, и сам первым вошел.

Квартира Арадных оказалась настолько просторной, светлой и стилистически знакомой, что в первую секунду Вадиму показалось, будто приехал к себе домой: высокие бежевые многоуровневые потолки, широкая прихожая и в невероятно пряных запахах кухня. Правда, в самой дальней комнате перекликались детские голоса. Нет, все же показалось – Вадим был в семье единственным ребенком.

– Где он? – спросил Вадим, когда крепкая входная дверь захлопнулась за спинами ребят.

– Только не шумите, – предупредил Антон, нырнул в коридор справа, и жестом руки предложил проследовать за ним. – Мальчишке нужен покой.

Вадим проследовал. И оказался в комнате с до того на глухо задернутыми шторами на окне, что ему вдруг стало особенно тревожно – уж не в ловушку ли он и в самом деле попал по собственной глупости? К тому же не он один...

Однако, когда в скупом освещении ночного светильника увидел лежащего в постели жутко бледного молодого человека, левая рука которого лежала поверх одеяла и была перебинтована у запястья, а рядом оказались Артем с Алисой – немного успокоился.

Всего лица мальчишки не было видно, – только бледные губы и повязка на глазах, темные растрёпанные волосы на подушке, – а потому Кирилл Коваль перед ним или нет, Вадим с точностью сказать не мог. Особенно, если учесть, что здесь он не чувствовал ничего из того, что еще больше часа назад душило и грызло его почти невидящего в отражении. Мало того, Вадиму даже не было жаль его. Да и за что жалеть, собственно, если вон оно как повернуло – мальчишка безмятежно спит в теплой постели, укутанный одеялом, в то время как пол города в панике ищет его вторые сутки.

Безмолвная пауза затянулась, и пора было уже держать ответ. Вадим вопрошающе взглянул на Артема – тот стоял потерянный, и снова беспомощно пожимал плечами. Вадим тоже сомневался. Обернувшись к Арадному, он ответил за всех сразу, и даже за надутую Алису:

– Мы не уверены.

На лице Антона промелькнула ухмылка, намекающая на ответную колкость в адрес Вадима. Однако колкости не последовало, и Антон просто осторожно поднял повязку с лица Кирилла – тот вздрогнул и тяжело вздохнул, но не проснулся. Над левой бровью его оказалось обширная ссадина. Кожа под и над глазами покраснела и припухла, ресницы слиплись. И тут, конечно, сам собой напрашивался вопрос: что же с ним такое случилось, что он вот так болезненно выглядит? Вернее, кто подобное с ним сотворил? И главное – для чего?..

Артем на очередной испытывающий взгляд Вадима кивнул и до того побледнел, что казалось вот-вот лишится чувств. Потом приткнул рот ладонью и выскочил в коридор. В коридор направился и Вадим, шепнув Алисе:

– Нам пора. Уходим.

Алиса молча последовала за ним. И, надо отдать ей должное, оказалась куда стойче брата в сложившейся ситуации – не слишком презентабельный вид Ковалева до дурноты ее не довел. И в самом деле, она не из робких, тут Артем был прав. А это значит, что и его шуточные намеки там, на набережной, тоже не без основательны. И тут было о чем задуматься...

Но не сейчас, когда до двери оставалось всего несколько шагов, и Вадим уже накинул куртку, выхватил из кармана смартфон, открыл на экране виртуальную клавиатуру и набрал номер, нужный для того самого «уходим».

– Кому звонишь, Вадим Андреевич? – заинтересовался Антон, приглаживая рукой и без того послушные темно-русые волосы с единственным седым локоном у левого виска.

– Такси вызываю, – буркнул он, не поднимая на собеседника глаз. Последняя цифра была нажата. Поднес аппарат к уху.

– Нет! – прошипел Арадный, перехватил руку Вадима выше запястья, с силой дернул вниз и тут же отпустил.

Напуганный неожиданной встряской телефон выскользнул из рук, ухнул спиной о пол, а с экрана его сквозь защитное стекло понеслось свистящим голосом что-то неразборчивое, но без сомнения нетерпеливое. После настала тишина.

Наглая выходка хозяина дома, конечно, обескуражила юных гостей, но только не Вереса-младшего. Он цепко прищурился, скривил губы в недоброй усмешке и, не сводя взгляда с Антона, поднял смартфон – целый. Ну а после, мгновенно взбунтовавшись, он приготовился было высказать обидчику претензий, но Арадный опередил и заявил:

– Отсюда нельзя! Вас отследят по звонку, по поездке в такси! Найдут ведь, включи голову, Вадим Андреевич! Тогда неизвестно, чем все это закончится для всех нас.

– Нам нужно в школу, – процедил Вадим, накипая изнутри раздражением. – Немедленно.

Вадим почувствовал, как нарастает его с недавних пор весьма и весьма обострившаяся брезгливость – чужой дом, незнакомые люди, духота и замкнутость пространства вызывали у него крепкий приступ отвращения.

Как и Артему тоже было заметно не по себе. Он хоть и успел впялиться в рукава своей куртки, обуться и прихватить сумку с ноутбуком, но слова Арадного заметно нагнали на него страху и заставили замереть в углу у входной двери.

Одна Алиса сохраняла по-прежнему хладнокровие – присела на табурет в прихожей и, ни на кого не поднимая глаз, увлеченно возилась с осенними ботинками.

Вадиму же срочно нужно было выбраться на воздух.

– Ковалю ищут больше суток, – настаивал на своем он. – Фрей должен знать, что ученик его школы найден живым и...

– Мы с дочерью встретили Кирилла вчера, – прервал его Антон, напряженно и четко проговаривая каждое слово, при этом не отрывая пронизывающего взгляда от собеседника. – Грязный, мокрый насквозь. Он почти не видел и не говорил, не ориентировался в пространстве и с трудом дышал. Понятно, что он не просто так именно тут оказался – как и ты, Вадим Андреевич.

Этот разговор нравился Вадиму все меньше. Жесткая манерность в монологе Арадного мгновенно напомнила отца. Вот она, такая знакомая непреклонность: не пробиться тут со своим мнением, не доказать личной правды. Так ведь он вовсе не за этим пришел. Однако стоило ему только собраться с мыслями, чтобы снова возразить, как Антон снова обошел его:

– Так вот, если станет известно, что Кирилл жив и то, где именно он находится, то Вадим Андреевич, тот, кто запланировал избавиться именно от тебя, свое дело закончит быстро и тихо.

– Что вы такое говорите? – возмутился Вадим, окончательно запутавшись в происходящем. – Предлагаете мне ничего не говорить полиции и Фрею? Знаете, что вам будет за подобное? Я вот точно знаю. А потому скрывать ничего не собираюсь! И, вообще, причем здесь именно я?

– Не скрывай, – спокойно продолжил Арадный и, прервавшись на пару секунд, чтобы протянуть Алисе рожок для обуви, предложил: – Просто действуй продуманно.

– А вот почему, интересно, о местонахождении Ковалю вы, Антон Александрович, никому и ничего не сообщили? – насторожился Вадим, убирая сотовый в задний карман джинс, перед этим незаметно включив диктофон. – Почему он у вас, а не в больнице, если ему и в самом деле было так плохо, как вы говорите?

Внутри kloкотало предчувствие скорой беды, но Вадим не поддавался панике. Он пока не понимал, на что конкретно намекает Антон и к чему подбивает, и все-таки отступить не собирался.

– Может, это вы Кирилла так уделали? – сощурившись, укорил его Вадим. – Нет? Или да? А потом испугались и к себе забрали, чтоб никто ничего не узнал. И главный вопрос: почему в полицию не обратились, если не ваших рук дело?

– Потому что я и есть полиция, Вадим Андреевич! – до того победоносно открылся Антон, что Вадим в первую секунду не нашел, что ответить.

Такой поворот разговора стал для него неожиданным.

Глава 6. Зачем бьют зеркала

Несложно было догадаться, что произойдет дальше – для Вадима несложно. И он не ошибся: естественно сначала Арадный достал из кармана куртки, которая висела на вешалке у входной двери, удостоверение и предъявил его в развороте всем присутствующим. А потом уточнил:

– С отцом твоим еще со школы знакомы. С пятого класса за одной партой сидели. После вместе учились в университете. Вместе служили. Андрей Андреевич зеркала коллекционировал. И хранил... осколки.

Металлический рожок для обуви глухо брякнулся на ковровую дорожку, выпав из рук Алисы, и отскочил к ногам Антона. Однако тот словно этого не заметил – по-прежнему оставался неприступен и безэмоционален. Сумка с ноутбуком лениво поползла с плеча Артем, а тот лишь непонимающе таращился на Вадима во все нарастающем недоумении. И только когда эта самая сумка хлопнулась о порог, Артем словно от гипноза очнулся и бросился на вырубку к своему переносному компьютеру.

– Ну и что же представляют из себя эти загадочные осколки? – неожиданно нарочито спокойно спросил Вадим, изогнув левую бровь, а у самого тревожный холодок по спине пробежал.

– Сейчас, конечно, не лучшее время разглашать подробную информацию об осколках, – замялся Антон, небрежно привалившись плечом к стене, прикрыв собой Алису и раздражающе вертя в руках удостоверение. – Скажу только, что последним делом твоего отца стало расследование, где фигурировали как раз эти самые осколки. Еще Фрею кое-что важное о них известно. Для начала спроси именно у него.

– Я спрошу, – медленно кивнул Вадим, не сводя с собеседника взгляда. – Не сомневайтесь. И за Кириллом еще вернусь.

– Возвращайся хоть завтра, – согласился Антон. И резко поменяв настроение разговора, добавил: – И еще важное предостережение для тебя лично, Вадим Андреевич: Кириллу больше ничего не угрожает, это точно, потому что – я совершенно в этом уверен, – он только приманка, чтобы проверить конкретно тебя на общение с отражениями.

– Да ладно, – отмахнулся Вадим. – Как много вы знаете про меня и отражения? Исключительно то, что я сам рассказывал в полиции, когда помогал в поисках пропавших – базовая информация, скажем так. А значит, все, что вы сейчас говорите – это только ваши домыслы, Антон Александрович, не больше.

– Возможно, – не стал спорить Антон, ловко отправив важный документ в карман свободных спортивных штанов. – Но, Вадим Андреевич, согласись, странно и словно грамотно продумано все произошедшее накануне: Кирилла оставили в самом центре города, где много, очень много отражающих поверхностей. Похитители знали, что далеко ему не уйти. Скорее всего ни говоря ни слова шли рядом с ним, незаметно помогали и направляли его, чтобы перемещался в нужном направлении, и чтоб лишних вопросов прохожие не задавали – ну наку-

ролесил чего-там парнишка, с кем не бывает, но не один же домой идет, а значит и вмешиваться не стоит. Вымотали мальчишку, проморозили – это да, но не убили. И не собирались. Время знали, когда я с работы возвращаюсь, чтоб нашел его именно я – и я нашел. И ты нашел. Кирилл – приманка, не иначе.

– А что, если приманка здесь как раз я? – недоверчиво протянул Вадим, куда напряженнее, чем секунду назад, вглядываясь в широкоскулое лицо Антона. Особенно его озадачили два приметных шрама – у внешнего края правого глаза и с правой стороны под губой. У его отца тоже подобный имелся – только у виска. – А вы в счет моей жизни пытаетесь поймать некоего опасного преступника. Я ведь прав, так? Уверен, что прав. А мое мнение как же? Не хотите меня спросить: хочу я подставляться или не хочу?

– Работаем на опережение, Вадим Андреевич, – успокоил его Арадный настолько невозмутимым тоном, что Вадима начало колотить изнутри от захлестнувшего напряжения. – Используем стратегию «Хитрый ход». Не подставишься.

– Хитрый здесь вы, Антон Александрович, – насторожился Вадим, из последних сил держа себя в руках.

Вадим не верил в такие совпадения: про «Хитрый ход» он уже однажды слышал. Тогда не успел проверить, правду ли говорил отец, а сегодня – не торопился. Он на улицу в ноябрь хотел, а его до того открыто втягивали в операцию спецслужб, что крепиться и не бунтовать с каждой секундой становилось все сложнее. На отражения сильно походило, когда и сам не осознаешь, что ты уже внутри них. Наседают на тебя видения, давят, требуют плату собой и не отпускают. Вот только из отражений, Вадим уверен, друзья помогут выйти, если сам не справится, – проверено вот только час назад, – а из «Хитрого хода» кто?..

– Говорю же, сыщик, как отец, – холодно хохотнул Антон и, оттолкнувшись от стены, в два шага оказался в соседнем коридоре. – Не зря тебя для службы готовят, Вадим Андреевич. Я все сделаю, чтоб после окончания обучения, ты пришел ко мне в отдел. Уверен, сработаемся.

– Я будущий юрист, – возразил Вадим, как и раньше, не поддаваясь чужим убеждениям. – Служить не собираюсь, Антон Александрович.

– Увидим после, Вадим Андреевич, – не огорчился Арадный, вернувшись к гостям с сотовым в руках. Потом весомо добавил: – Ну а на сегодня, Вадим Андреевич, тебе предстоит закончить дело о поисках пропавшего старшеклассника там же, где ты это самое дело начал.

– Что? – стараясь держаться таким же бесстрастным, как и собеседник, спросил Вадим.

– Где начал, – терпеливо повторил Антон. А потом удивил: плавным движением руки изобразил в воздухе пологую дугу – не иначе городской пешеходный мост. – От дьяволят ноги растут.

– Или от козлов, – невесело хмыкнул в ответ Вадим.

Это была опасная ставка с его стороны – вот так запросто повестись на уговоры совершенно незнакомого человека и ввязаться в некое расследование. Однако других вариантов узнать подробности и про осколки, и про «Хитрый ход» одновременно, он пока не видел.

Он, разумеется, понял важного собеседника – набережная. Антон, похоже, о ней тоже что-то знал. Вот только доверием к капитану полиции Арадному Вадим пока не проникся.

– Там мы прикроем, если что, – уверил Антон, быстро настроив в мессенджере сообщение и с довольной ухмылкой отправив его. – И отобьем, если потребуется: и от тех, и от других. Все будет гладко.

– Я-то закончу, конечно, – согласился Вадим. Однако тут же придирчиво напомнил: – Но так ли все гладко пройдет, как вы говорите? Что, если вас опередят? И что будет со мной, если кто-то окажется хитрее вас?

– Говорю же, сыщик, – ушел от ответа Арадный, успев при этом галантно подать руку Алисе и помочь ей подняться. – И сыщика этого вместе с его друзьями встретят по ту сторону набережной, где битые зеркала – возражения не принимаются. Только... не спускайтесь к реке, держитесь там, где светло. Вас подвезут.

Понятно, что вся эта история с сыщиком – умелая манипуляция, попытка заманить Вадима в опасную игру, где правила устанавливает только важный человек, но спорить он не стал, промолчал и кивнул. Вот прямо сейчас он и развеет сомнения о приманке: либо Антон правду говорит, либо нет.

Ничего не понимающему Артему Вадим указал взглядом на дверь, и сам, застегнув молнию на куртке, первым направился к выходу – друзья следом за ним.

Ну а когда дверь квартиры Арадных захлопнулась за спиной, Вадим первым делом развеял личные сомнения: собрался, отодвинул липкую тревогу на неизменное «после» и так внезапно остановился у самой верхней ступеньки лестницы, что Алиса, не ожидавшая этого, конечно, налетела на него и озадачилась. Перемешались эмоции на ее светлом лице – глаза большие, взволнованные. Чего он хотел от нее, и сам, кажется, не знал... Да все он знал! Шагнул ближе, заправил растрепавшуюся светлую прядь волос ей за ухо и уверенно произнес:

– Алис, я не хотел и не должен был тебя обижать. Но получилось иначе. Вернуть я ничего уже не могу, не могу и исправить. И все же: я был не прав, и признаю это. Простишь меня?

Алиса недоверчиво прищурилась и, скрестив руки на груди, нахмурилась, а минуту спустя пожала плечами, залившись румянцем, и ответила:

– Прощу, только больше никогда со мной так не разговаривай. Ты на психа похож, когда выходишь из себя. А ты, Вадим, не такой. Я точно знаю.

– А какой я? – хмыкнул Вадим, пытаясь выдать из себя хоть подобие улыбки. Получилось пока не очень.

– Настоящий, – она бережно провела пальцами по его плечу и скользнула по руке к ладони.

– Только не молчи больше, – мягко попросил он. – Ладно?

– Не буду, – в тон ему согласилась Алиса, скромно улыбнувшись.

Выждав пару секунд, он сжал ее руку в своей и двинулся вперед. Алиса не отставала, снова заражала его наивностью, возрождая тонкую связь, чуть напуганную нетерпением Вадима. А он и не возражал – заражался.

– Ну ты даешь, Верес! – хмыкнул Артем, который шел позади «парочки», нарочито утомленно закатив глаза. – Я помогаю Алисе. Все такое. И только.

– Тема, – предостерегающе протянула Алиса и, оглянувшись на брата, послала ему весьма красноречивый взгляд.

– Замолчи уже, Темыч, – поддержал ее Вадим.

– Это понятно, – кивнул Артем, не удержавшись от смешка. – Другого ответа от тебя, Верес, не ожидал.

Снова этажи, подъезд, дверь. Прошли сквозь тоскливый двор и дальше по улицам города через изморось и пронизывающий ветер на набережную – на то же место, откуда начали.

Дождь усиливался. Быстро стемнело и похолодало.

Вот уже и знакомый пешеходный мост остался позади. И если на самом мосту было достаточно светло, – желтый свет фонарей успешно отвоевал у позднего ноябрьского вечера свое пространство над рекой, – то по ту сторону набережной торжествовал сумрак. Черные стволы деревьев казались безобразными изваяниями неумелых творцов. Остатки листвы на голых ветках тягостно шуршали в тишине надвигающейся ночи и вселяли в путников только тревогу. Да и сама река была беспокойна: не дремалось ей. Она словно захлебывалась собственными волнами. Набегала на набережную, всхлипывала, жамкала в зарослях пожухшей травы и даже заливалась на бетонный выступ, словно пыталась зацепиться за него и задержаться ненадолго, но не выходило – она срывалась и вновь сползала в необъятное русло. Хитрых людей и река, похоже, опасалась, потому быстро затихала.

Ребятам же оставалось только дожидаться машину, что вот-вот подъедет и увезет их в школу. И ведь все это могло пройти спокойно. Но не прошло...

Внезапно у воды раздалось звяканье, а потом что-то хлюпнуло в бурьяне, где сегодня Вадим и сам наступил в грязь. Это «что-то» ему совсем не понравилось, и он взгляделся во мрак, где чавкнуло, и прислушался. И тут тишину прорезал лязг, а у бетонной стены, где в темноте притаились недожаренные не то дьяволята, не то козлы, мелькнул блик света.

Вадим остановился, но Артем, шедший вслед за ним, этого не заметил. Он случайно толкнул друга в спину, потом неуклюже замахал руками, в попытке не свалиться плашмя, и спихнул Вадима с лестницы. А Вадим не удержался и, ссутулившись, проехал далеко вниз, с шумом обрушив часть ветхих ступеней.

Ну а потом справа снова юркнул блик, и Вадим уже точно знал, что это – зеркало! Ведь там, чуть дальше, есть куча ненужности из старых оставленных в забвении именно зеркал.

– На мост, быстро! – крикнул Вадим Артему. – Алиску уводи!

И Артем не растерялся, ухватил сестру, шедшую последней, за руку и рванул что было сил вверх по ступеням.

Что ж, зеркала так зеркала, Вадим тоже умел с ними весьма искусно обращаться. С собой, конечно, не прихватил, но и здешние, – с набережной, – если потребуется, сможет использовать. Правда, чтобы добраться до них, требовалось рискнуть. И он рискнул – секунда, он собрался и спрыгнул, но приземлился не слишком удачно – оступился, и его потянуло к земле. Тем не менее и тут он не уступил – уперевшись ладонями в шершавый бетон, он оттолкнулся, подскочил и рванул-таки вперед, не оборачиваясь.

– «Хитрый ход», говорите, – пропыхтел на бегу Вадим. – Отобьем, если что. Только вот здесь и сейчас, кто хитрый? На кого ход сделали? И где те, кто отобьют?..

Пронырнув сквозь пучки бурьяна в собственный рост, он перескочил через грязь, в которой увяз днем, и различил, наконец, очертания кучи ненужности впереди – добраться до нее представлялось проще простого. Однако вышло иначе: внезапно перед его лицом из полумрака скользнуло острое осколка, и Вадим уклонился, подавшись назад, но не устоял и ухнулся на спину. Плиты мостовой неласково приняли его, как и пришедшая при падении боль – она мгновенно пронзила его поясницу и впиалась в шею. И хотя он тут же прогнулся чуть вверх и уперся руками в пол, готовясь рывком подняться, ничего не вышло – чужая нога в тяжелом резиновом сапоге придавила ему грудь, а другая – шею.

И тут Вадим понял, что допустил ошибку. Нужно было сразу же собраться, взбунтоваться и вырваться, а он в первые секунды растерялся. Потом он опомнился и дернулся к стекляшкам, что валялись в полуметре от него, но момент был упущен. Да, он жестче скреб землю, пытаясь дотянуться до колкой кучки, старался вывернуться и освободить горло, но ему не позволяли.

– Ну же! Ну! – зло прохрипел он, не оставляя попыток добраться до осколков. – Дорого же плачу вам, помогите! Давай, давай, давай же!

Наконец нащупав холодное лезвие и сграбастав его в ладонь, Вадим сжал его, замахнулся, вонзил острием в лодыжку обидчику и тут же выдернул. Нападавший вскрикнул, давить на глотку жертве перестал и отшатнулся в сторону. Вадим же обхватил шею руками и закашлялся. Потом сгруппировался, чтобы вскочить на ноги, но... удар по голове сорвал последний из его планов – сорвал все. Ведь после настолько сильного удара мрачность ненастного вечера мгновенно рассыпалась в прах, и Вадим лишился чувств.

Когда же он пришел в себя, время для него потеряло смысл, точность и постоянство. Оно изменилось до неузнаваемости и необратимо переродилось в боль над глазом. Ему бы дотрогнуться до разбитого виска, но его руки выше запястий притоптали к мокрой земле кроссовками. Ему бы воды глоток, но в ответ на его безмолвную мольбу, в лицо ему посыпала изморось. Он силился поймать непослушными губами хотя бы ее, а самого холод насквозь пробирал.

Ну а потом его разбитую голову за волосы грубо дернули назад, и над собой он увидел четверых крепышей в темной одежде, в кожаных перчатках, в вязанных шапках-масках. Лиц

нападавших он не рассмотрел, только зияющие чернотой прорези для глаз и рта. А еще у одного из нападавших в руках блеснул осколок зеркала.

Не сработал, видимо, «Хитрый ход» ... Или сработал, а Вадим оказался именно той самой приманкой, о которой так много и напыщенно распинался Антон Александрович Арадный. Похоже, взяли и подставили неопытного еще даже не сыщика под хищных Козлов, а отбить не удосужились. Вот и доверяй после этого важным людям с удостоверением...

То, что его убьют без жалости, Вадим прекрасно понимал. Однако принять происходящее не получалось. Ровно до того момента, как преступник замахнулся стекляшкой и вертикально направил ее острием Вадиму в грудь. А потом был удар – болезненный и страшный...

Под ребрами будто пламя полыхнуло, и Вадим вскрикнул, но чувств не лишился. Зато тело его сразу обмякло, стало будто ватным, не его совсем – или ему так просто казалось. Как казалось, что он падает – стремительно падает в темноту, – и что у стены с «козлами» уныло блеснул знакомый обидчивый осколок старого зеркала, словно прощаясь...

Зачем же все-таки люди бьют зеркала?..

Зачем убивают?..

Глава 7. Ты ошибся

Сообрази Вадим с первых же секунд, что вновь попал в отражения, – а он находился именно внутри них, – то был бы куда осторожнее. Однако он разобрался в происходящем ни сразу, а потому за невнимательность мог вот-вот поплатиться.

– Кто-то собирает осколки... – шепотом выдохнули Вадиму в затылок.

Очень интересно... У него и без того голова распадалась на части, а тут снова надоедали с загадочными стекляшками.

– Что же такое «осколки»? – непонимающе выдохнул он, крутанувшись на месте в почти непроницаемой темноте. – Может, объяснит хоть кто-то?

Неопределенность с некими осколками раздражала и сбивала с толку, назойливая до тошноты пульсация у левого виска не давала сосредоточиться, однако пристально взглядевшись в полумрак впереди, Вадим обнаружил, что перед ним лестничный марш. Он попятился и пошарил руками в потемках, но ни во что не уперся.

– Ну надо же, – раздосадовано пробубнил Вадим, так и не решившись сделать шаг. – Здесь нет стен. А лестница есть. Похоже, на отражения... Именно! Отражения снова путают меня. Или я просто сошел с ума. Фрей рассказывал, что такое иногда случалось с теми, кто говорил с ними...

Когда глаза чуть привыкли ко мраку и стали наконец различать очертания предметов вокруг, Вадим кое-что рассмотрел – просторный сумеречный холл, причудливые квадратные колонны в его центре, размытый силуэт стола рядом со стеклянной дверью, тут же две низкие длинные лавочки.

Ну а после межэтажным пролетом выше померещился слабый блик света, и Вадим отвлекся от силуэтов и направился в направлении именно блика – правда добрался туда далеко не сразу. Сначала подошвой кроссовка он осторожно нащупывал каждую очередную ступеньку лестницы и только потом поднимался.

Нудный хрип из-под ног предательски выдавал его в почти непроглядном здесь, подвывал в такт шагам и тут же так странно поскуливал, будто побитый щенок. Тем не менее Вадим не отступал и взбирался все выше, шаря руками вокруг себя, пока не отыскались деревянные перила.

Еще шаг и еще. Вот уже и едва видимая лестница осталась позади. Она замерла в темноте за спиной и скрипы ее стихли. А юный сыщик обеспокоился, ведь впереди показалось помещение, напоминающее коридор, в конце которого из узкой щели в углу сочился свет.

Опасливо идти вперед и при этом пытаться нащупать стены оказалось бессмысленной затеей – Вадим так и не дотянулся до них, хотя вполне четко их видел. Потому остаток пути он продвигался крадучись, переступая с ноги на ногу, как по туго натянутому канату, словно боялся оступиться и свалиться. Как вдруг прямо на него из темноты вырвалась незапертая

дверь, выкрашенная в белый цвет. И он, ни секунды не думая, чуть пихнул ее ногой и вошел в комнату.

Это было странное место – просторная аудитория с высоким потолком и тремя огромными окнами в деревянных рамах без занавесок, в левом дальнем углу которой жался массивный потрепанный шкаф из темного дерева. Мутный свет, который проливался отсюда в коридор, оказался ложным – всего лишь фонари с улицы нехотя делились им с дремлющими апартаментами, а те уже сквозили им во всевозможные отверстия.

– Похоже на обычный класс, только без парт и доски, – задумчиво протянул Вадим. И тут же воскликнул: – Ну конечно, и почему только сразу не догадался! Я же в своей школе, которую успешно окончил не так давно. Только она словно из прошлого века. Значит, я все же отражениях... Ну, наверное...

Пройдя еще чуть вперед, он добрался до одного из окон и, не дотрагиваясь до него, выглянул на улицу: знакомый двор и само здание снаружи. Все верно, он на верхнем этаже школы, а освещение – подсветка со стен фасада. Вот только, где именно находился класс, он не понимал. Потому шагнув ближе, он уперся ладонями в раму, а лбом в стекло, разглядывая соседние помещения. Когда же чуть сильнее надавил, послышался хруст, а из-под правой руки его по стеклу побежала широкая трещина. И тут же появилась вторая и третья. Их становилось все больше и больше, и они оплетали стекло в хитроумный узор, так быстро, что, казалось, еще немного, и рухнет оно с высоты и погребет под собой незваного гостя.

Тогда Вадим, конечно, попятился. Однако и на соседнем окне, и том, что самое дальнее от двери, раздался уже знакомый хруст, дальше скрежет и звон.

– Кто-то собирает осколки... – не успокаивались у Вадима за спиной.

Броситься к выходу и немедленно покинуть класс было бы лучшим решением, но вместо этого он ссутулился и заткнул уши руками. Бьют стекла! Кто бьет и зачем?.. Вадим не понимал.

Оказалось, что и зеркала на стенах, которые он не заметил, когда вошел, тоже покрылись похожими трещинами – словно некая чудовищно заразная болезнь стремительно расползлась и по ним тоже.

И даже зеркало в человеческий рост на дверце старого шкафа, который укрылся в темном углу, точно так же, как и остальные, с визгом разорвало на куски.

– Ты с отражениями разговариваешь...

– Да откуда идет этот голос, и чей он?! – возмутился Вадим и задергал головой в стороны, пытаясь понять, что происходит. При этом он не испытывал страха – ведь пусть происходящее вокруг и было чуть больше, чем странным, однако не угрожало ему.

Ну а потом угроза нарисовалась – Вадиму стало трудно дышать.

– И он тоже...

Его охватила паника, и он заметался по комнате в поисках двери, но почему-то не находил ее. И хотя главное желание просто жить мгновенно бросило его к ближайшему окну, заста-

вило колотить в стекло кулаками, чтобы пробить дыру среди щелей, впустить воздух с улицы и перевести дыхание, он не справился. Ведь быстро обессилев от удушья, юный сыщик сполз по стене на пол и уперся затылком в подоконник. Упрямые пальцы его еще пытались исправить незавидное положение – расстегнуть хотя бы верхние пуговицы на рубашке, но тут не срослось – пришло горькое понимание, что на нем футболка и толстовка.

– Ты мешаешь ему...

– А отражения как же?.. – раздосадовано просипел он.

Где они, отражения, которым он так часто и так дорого платит в последнее время?! Почему не предлагают помощь? Спрятались и теперь выглядывают с той стороны: «Жив ли там еще Вадим Верес? Или все для него уже закончилось?» Трусливые мямли, от которых слова доброго не дождаться! А как заплатить за разговор, так давай, мальчик, делись собой больше и больше! Наизнанку вывернись, но часть себя отдай. А сами? Где они, когда нужны?

И все. И не справиться Вадиму в одиночку. И не выйти...

Да как бы не так! Он дернулся вверх, поднялся на еле гнущиеся ноги, развернулся, замахнулся на окно рукой, ударил по нему и выкрикнул:

– Помоги мне! Впусти!

Зря он так, конечно. Ведь рама тотчас вздрогнула и затряслась. И лишь секунды не хватило Вадиму, чтобы отшатнуться – стекло, израненное трещинами, со звоном рухнуло и погребло его под собой. Он только и успел пригнуться и закрыться руками, как за ворот ему неожиданно посыпался... песок.

– Ты опасен и для него, и для его зеркала...

Простонав, Вадим упал на колени и обхватил себя за плечи. Сам он и все вокруг него должно было быть покрыто битыми стеклами, но их не нашлось – по линолеуму, разносимый ледяным ветром с улицы, еле слышно шуршал именно песок.

– Ты раскроешь все его тайны...

Глоток морозного воздуха вернул Вадиму ясное мышление – без сомнения он в отражениях, ведь они играли с ним в подобные иллюзорные игры уже не раз. Потому он осмотрелся внимательнее и теперь вполне осознанно заметил, что под старым шкафом что-то блеснуло – яркая вспышка полыхнула в потемках и погасла. Еще одна, и еще.

– Может, отражения все-таки одумались и помогли мне, – едко хмыкнул он. – Помогли ли?..

Он поднялся и, пошатываясь, поплелся в сторону шкафа, больше не обращая внимания на нескончаемые предостережения невидимки.

– Раскопаешь прошлое... Разрушишь настоящее...

То, что раритетный гардероб из темного дерева вблизи оказался глянцевым, заставило Вадима усмехнуться. Ведь как ни крути, а прикрывать лаком дряхлость мебели, чтоб она не так сильно бросалась в глаза, было глупо. Дряхлость все равно бросалась – выдавала себя горьким запахом, от которого и без того обостренная брезгливость Вадим усилилась, и он поморщился. И только потом присел на корточки и заглянул под шкаф.

– Он не допустит... – неустанно шептали рядом. – Он избавится от тебя... Безжалостно...

Рассмотреть хоть что-то в этом не особо надежном убежище не удалось, зато нащупать получилось: пошарив среди многолетней пыли и такой же паутины Вадим наткнулся на крупный осколок стекла, которое тут же вытащил и покрутил по полу туда-сюда.

Вещица оказалась одной из тех, что нагоняли на него жути одним своим видом – слепое зеркало в грязных разводах, потертостях и царапинах. Тем не менее блик был? Был, и не один.

– Береги в себе себя...

И это было последнее, что услышал Вадим перед тем, как незрячее заговорило – в нем появилось отражение. Вот только отражение вовсе не Вадима, а незнакомого молодого человека: тонкий прямой нос, изящные черты лица, глубокие карие глаза, черные гладко прилизанные волосы. Этот юноша во весь рост стоял, манерно привалившись плечом к стене, у только что разбитого Вадимом окна, и так надменно смотрел на него из стеклянной бездны, что становилось не по себе.

Конечно, нужно было действовать немедленно, – выходить из отражений, – но Вадим решил подождать и во всем разобраться на месте. А зря. Ведь ждать долго не пришлось: молниеносный выпад чужака вперед, и наружу из осколка вырвалась его рука, вмиг впившаяся в шею неопытного сыщика.

– Ты ошибся! – резанул слух властный голос из отражения, а колкие пальцы так жестко сдавили Вадиму горло, что он захрипел. – Ты умер!

Все могло сложиться удачно, если бы Вадим не рванул назад, не ударился затылком о шкаф и не заметался в попытках отбросить стекляшку, спастись от удушения и снова просто вдохнуть. Ведь именно тогда он вдруг лишился чувствительности рук: они без его на то согласия впились в края стекла и вдавили острие в его же ладони, разрезав кожу. Вадим сдавленно вскрикнул.

– Ты ошибся! – наседало отражение, продолжая душить жертву. – Ты умер!

Благоприятного исхода у такой ситуации ждать не приходилось: задохнувшись, Вадим, конечно, задергался в стороны, но высвободиться не сумел. И хотя в окно порывами ветра заносило и воздух, и хлопья снега, пробраться туда слабеющему мальчишке не было возможности. И вот уже осязаемое осыпалось перед его глазами черными точками, тут же расплываясь мутными пятнами.

– Ты ошибся! – настаивал на своем тот, кто расправлялся с ним одной левой рукой. – Ты умер, детка! Да, ты умер сегодня!

Силы оказались настолько неравны, что спустя еще минуту бесполезного копошения, Вадим затих, обмяк и голова его завалилась на бок.

Беда в том, что сознания при этом он не лишился, а потому боль от многочисленных порезов, причиненных щетинистыми пальцами и на шее, и позже на лице, испытал сполна.

Насколько серьезный вред ему нанес человек из осколка, Вадим определить не мог. Как не мог определить, откуда именно слышит крик Алисы:

– Вадим, Вадим, ты слышишь меня?.. Дыши, пожалуйста, дыши... Хочешь, ругайся на меня... Сколько хочешь, ругайся... Дыши только...

Увы, голос Алисы пропал так же неожиданно, как и появился. Вадиму же, словно в наказание за попытку вырваться из рук кровожадного отражения, только сильнее принялись драть на лице. Его же в ответ на каждое подобное касание трясло так, будто некая неудержимая сила рвалась из него наружу, но не находила выхода.

Нет, не так – это именно он по непонятной причине не находил выхода из отражения, когда уже следовало бы!

А это означало, что он, вероятнее всего, почти мертв...

Стоп, думать об этом он себе запретил. Зато разрешил сосредоточиться на очередной галлюцинации – ему как раз мерещилось, что его голову осторожно потянули назад, а потом чужие губы тронули его губы в настолько пьянящем поцелуе, что к Вадиму вернулось глубокое дыхание. Теперь ему оставалось всего-то зацепиться за реальность – да хотя бы за поцелуй – и вырваться из отражения.

А получилось вот как – в этот момент осколок выскользнул из рук Вадима, вовсе не целующегося, а жадно хватяющего ртом воздух, и свалился на пол, противно звякнув. При этом стекло не разлетелось на части – оно осталось целым, как и тот, кто затаился внутри.

– Ты все равно умрешь! Скоро! Ведь я рядом, детка! Всегда!

Нет.

Так не будет. Только не с Вадимом!

Однако вслух сказать он этого не успел, потому что, когда взгляды их с незнакомцем в осколке вновь встретились, тот торжествующе расхохотался, надменно вскинув подбородок.

Ну, это он зря! Вадим не выносил усмешек в свой адрес. И потому наконец переведя дыхание, он подался вперед, поймал то и дело ускользающее равновесие и замахнулся ногой, чтобы раздавить неполноценное отражение. Только в нос ему неожиданно ударил до того резкий запах, что он закашлялся, зажмурился и отшатнулся к стене. А когда снова совладал с собой, его ослепил свет. Он рывком закрылся ладонями, и в ту же секунду ноги его так болезненно скрутило судорогой, что он закричал и лишился чувств.

Насколько быстро сознание вернулось к Вадиму, определить он не мог. Ведь оно играло с ним в до того необъяснимые игры, что сколько бы он ни цеплялся за глухие, будто через

толстый слой ваты, голоса и за размытые лица знакомых людей, выбраться из отражений не получалось. А он в отражениях – сомнений больше не было! Где еще его могло так ломать и выворачивать наизнанку, как не в них? Вернее, при выходе из них.

Вот же Алиса над ним, а это Артем. Тут и Павел Петрович нависает, и доктор Григ, который уж точно поможет. А значит, Вадим обязательно победит все сопутствующие выходу из отражений неприятности и вернется живым!

Только почему-то в упорной борьбе именно с неприятностями Вадим снова и снова проигрывал. Он, конечно, вырывался из беспамятства туда, где его называли по имени, где Алиса прикладывала к его лбу холод, но ненадолго – потом его снова и снова утаскивало в забытье.

Хотелось ясности... И ясность вернулась, но постепенно. Сначала дыхание выровнялось, после только ломать перестало и внутри, и снаружи. Дальше отступили спазмы, которые скручивали ноги. Следом явились звуки, запахи, цвета.

Четкость зрения вернулась последней, и только тогда Вадим впервые различил над собой что-то реальное. И этим чем-то оказались круглые очки школьного доктора.

Смотрел на него Григ сквозь эти самые очки и до того натянуто улыбался, что кроме тревоги Вадим не чувствовал ничего.

– Молодец, Вадим, ты все выдержал – отпустили тебя. И мы молодцы. Мы вытащили! – на одном дыхании выпалил Григ и присел на кровать рядом с ним. – Ты вернулся, ты справился. Но если бы ты только знал, как ты нас всех напугал.

Глава 8. Сыщик

Мало того, что дышать Вадиму было больно, говорить трудно, а глаза продрало в слезы от острого запаха нашатыря, так еще осознавать, что находишься в школе, которую пару лет назад закончил, но навещать сюда в ближайшее время не планировал вовсе, да еще и в кабинете директора Павла Петровича Фрея – это вообще полное помешательство. Все в горящей голове юного сыщика перепуталось: город, набережная, нападение неизвестных в вязаных шапках и... странная комната с отражением человека внутри зеркального осколка.

А еще здесь оказалось очень холодно, потому что распахнутые в ночь окна впускали внутрь комнаты ледяной воздух и мелкие снежинки.

За директорским столом сидел Артем. Друг был еще бледнее, чем в доме Антона Арадного, где недавно нашли Кирилла. Он тарабанил крепко сжаты кулаком по столешнице, невидяще пялясь вперед, и молчал. У окна сам Фрей и Григ о чем-то тихо переговаривались между собой – Вадим видел их всех уже достаточно хорошо, даже несмотря на то, что неудобно лежал на диване, не в силах пошевелиться и распрямиться из нелепой позы, в которую вернулся из отражений, в полноценного человека.

– Давай, Вадим, выпей это, – нависнув над ним, проговорил Григ, держа в руке стакан воды и при этом осторожно приподнимая ему голову. – Сейчас отпустит тебя. То есть отпустят...

Чтобы разлепить губы и утолить жажду, Вадиму пришлось приложить немало усилий – как выяснилось, зря. Ведь оказалось, что он в одночасье разучился глотать. Но так как сдаваться без борьбы было не в его правилах, он упрямо прорывался сквозь «не могу», пусть и давясь, и жажду утолить все-таки смог.

Ну а потом его рывком подняли, – не спросили, может, не может, – просто взяли и дернули вверх, усадили, прижали спиной к мягкой спинке дивана и поддерживали за плечи, чтоб не свалился. Вадим же клонился к пузатому кожаному подлокотнику, чтобы снова просто лечь и забыться – не пускали. Неужели не ясно было, что сутулился, закрывался от света дрожащими руками, гнулся к коленям и стонал он не просто так? Да у него все тело болело: голова вскипала, горели кисти рук, шея, грудь и живот, а от присутствующих ни капли жалости. Понятно все с ними...

При этом он хорошо помнил и то, что случилось с ним в реальности еще в городе, – набережная и нападение неизвестных, – и события в отражении. Особенно в деталях он запомнил человека, пытавшегося задушить его из поломанного зеркала одной левой...

– Что такое «осколки»? – с трудом выдавил Вадим, наконец подняв голову и взглянув на Фрея.

Павел Петрович соорудил мрачную гримасу. Он выглядел непривычно неряшливо и растрепано, чем сбивал Вадима с толку. Ведь обычно все было иначе: для своих сорока двух лет он держался весьма достойно, чем часто вызывал нескрываемый интерес у женщин. Еще бы, подтянутый и ухоженный. Одна только классическая прическа британка и с аккуратным боковым пробором, и с легким беспорядком на голове одновременно, чего стоила. И это при его то прак-

тически черных волосах, идеально сочетаясь с темно-кариими глазами. К тому же невероятно опрятный. Вадим даже не мог припомнить, когда видел его в чем-то отличным от идеально выглаженной рубашки и брюк. Да еще и директор школы с углубленным изучением права.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.